

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Prix: 50 centimes.

Вторник ^{13 декабря}
1 декабря 1881

Отдельные нумера продаются по 50 сант. въ книжномъ магазинѣ **H. GEORG, Genève, rue de la Corraterie.** Телеграммы, письма и корреспонденции въ редакцію адресуются: **rédaaction du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante, Eaux-Vives, Genève.** Желających имѣть лично объясненія съ редакціей просить обращаться по тому же адресу.

ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„ВОЛЬНОЕ СЛОВО“

принимается по адресу: Genève, poste-restante, Eaux-Vives, à la rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ (50 №№). . . 20 франковъ
„ 3 мѣсяца 6 „
„ 1 мѣсяць (4 №№). 2 „

Отдельные №№ продаются въ Женевѣ: въ русской типографіи, *Terrassière, 31* и въ книжномъ магазинѣ **H. GEORG, rue de la Corraterie, 10.**

Подписавшіеся на годъ могутъ по желанію получить *бесплатно* всѣ 20 номеровъ, составляющіе изданіе 1881 года.

СОДЕРЖАНИЕ:

- 1) Намѣреніе петербургскаго правительства соблазномъ и обманомъ заставить общество работать во вредъ спосуду и народному благосостоянію. —
- 2) Дипломатическая кампанія и новыя дипломатическія карьеры. — 3) Игнатъевъ и Кахановъ. —
- 4) Генералъ Черевинъ — начальникъ полиціи. —
- 5) Обѣщаніе графа Кальвоки. — 6) Историческая Польша и великорусская демократія, XVI, *М. Драгоманова.* — 7) Корреспонденция: а) изъ Петербурга, г-на Б.; б) изъ Цетиньи, г-на П—ичъ. —
- 8) Все для народа и посредствомъ народа (отвѣтъ на письмо И. П.) *П. Аксельрода.* — 9) Политическія письма (письмо шестое), г-на Б. — 10) Хроника рабочаго движенія: I. Испанія и Португалія. II. Италія. III. Австрія. IV. Бельгія. — 11) Австро-русское соглашеніе. — 12) Извѣстія и замѣтки. —
- 13) Опечатки. — 14) Объясненіе.

Женева, 13 декабря.

Для населенія страны, не пользующейся политическою свободою, но вступившей уже на путь борьбы за ея приобрѣтеніе, далеко не безразлично, съ какою цѣлью предпринимаются правительствомъ внутреннія преобразованія. Въ такой странѣ усовершенствованіе административнаго механизма само по себѣ представляетъ несомнѣнную выгоду только для группъ, опирающихся на данную форму правленія, существующихъ ради этой формы или благодаря ей, для всѣхъ тѣхъ, кто не подчиняется общественному контролю, каковы, напр., наша церковная іерархія, высшіе и низшіе офицерскіе чины въ арміи, полиція, чиновничество всѣхъ ранговъ и наименованій. Но для огромнаго большинства управляемыхъ, для народа въ цѣломъ, для отдельнаго лица въ частности, исключеннаго изъ разряда служилыхъ людей или нежелающаго принадлежать къ этому разряду, наконецъ, для иностранцевъ, имѣющихъ дѣло не съ правительствомъ страны, а съ ея населеніемъ, на первый планъ выступаютъ не ближайшія, а конечныя цѣли задуманныхъ преобразованій, такъ сказать, задняя мысль, руководящая правительствомъ. Объяснимся примѣромъ.

Удобные пути сообщенія, правильная служба почтъ и телеграфовъ, способная и дѣятельная полиція необходимы во всякомъ благоустроенномъ государствѣ. Но когда желѣзныя дороги служатъ для удобствъ лишь незначительнаго, сравнительно, меньшинства состоятельныхъ классовъ, а массы передвижнаго рабочаго люда, по несоразмѣрной съ ихъ средствами высотѣ перевозочной платы или по недостатку дешевыхъ мѣстъ въ поѣздахъ, принуждены совершать пѣшкомъ переходы въ сотни и

тысячи верстъ или толпами ожидать очереди по нѣскольку дней подъ открытымъ небомъ, на морозѣ, подъ дождемъ (что обыкновенно случается при періодическихъ передвиженіяхъ рабочихъ въ Россіи); когда, по объясненію одного изъ героевъ щедринскихъ очерковъ, „которыя письма не должны доходить, тѣ всегда пропадаютъ“, никто не гарантированъ отъ вскрытія корреспонденцій, отправляемыхъ по почтѣ; когда всякая телеграмма можетъ быть задержана по распоряженію мѣстнаго администратора, а многія телеграммы не могутъ быть отправляемы иначе, какъ съ разрѣшенія начальства; когда способная и дѣятельная полиція служитъ не для огражденія законныхъ правъ личности, не для предупрежденія несчастій и для немедленнаго подавія помощи случайно пострадавшимъ, а для угнетенія личной и общественной свободы, для упроченія произвола правителей надъ управляемыми; — тогда усовершенствованіе даже полезныхъ, повидимому, для общегита учрежденій представляется дѣломъ противообщественнымъ, направленнымъ во вредъ населенію или, по меньшей мѣрѣ, не для него созданнымъ, запретнымъ для многихъ и служащимъ преимущественно къ выгодѣ властной среды, гнетущей народную жизнь и безъ помощи усовершенствованныхъ орудій.

Императорское правительство въ Россіи выродилось, износилось и дошло до нынѣшняго своего нравственнаго упадка, до невозможности управлять страной и поддерживать въ ней гражданскій миръ иначе, какъ мѣрами „усиленной охраны“, не потому, что оглушено, потрясено политическими убійствами, какъ это думаютъ нѣкоторые, и приписано болѣе человѣчными, а вслѣдствіе этого и болѣе плодотворными, хотя и не достаточно еще энергичными протес-

стами печати и земствъ, — а потому, что отжило свой вѣкъ, потому, что сознательная часть народа въ Россіи рѣшительно отказывается служить самодержавію и не отдаетъ лучшихъ своихъ силъ на „государево дѣло“, какъ говорили встарину. Даже высшія государственныя должности *обезлюдѣли*; — ни одного таланта, ни одного искренно преданнаго „государеву“, а не своему собственному дѣлу правителя. Въ этомъ, кажется, согласны органы всевозможныхъ отбѣсковъ общественнаго мнѣнія въ Россіи, не исключая и купленныхъ казною, и задаромъ поклоняющихся самодержавію, отъ избытка холопескихъ чувствъ. Замѣчательно, однако, что, повергаясь въ прахъ передъ идеей единоличной верховной власти, никто изъ этихъ православныхъ идолопоклонниковъ, въ идолопоклонствѣ полагающихъ самобытность русскаго народа, не идетъ доказывать истинность своей политической религіи (именно *религии*, а не теоріи) на дѣлѣ, и еще замѣчательнѣе, быть можетъ, то, что сама верховная власть не призываетъ къ дѣлу „распинающихся за нее“.

Объясненіе, впрочемъ, просто.

Готовности *прямого служенія* самодержавію не объявилось даже среди благодѣтельствованныхъ верховною властью инородцевъ (какимъ былъ въ дни агоніи мнувшаго царствованія Лорисъ-Меликовъ, какимъ выступаетъ нынѣ на арену самостоятельной дѣятельности армянинъ Кахановъ). Волей-не волей приходится прибѣгать къ окольному пути, заманивать въ свои сѣти способныхъ людей изъ среды управляемыхъ. Но какъ же это сдѣлать?

На административныхъ вершинахъ первый задумался надъ этимъ вопросомъ, добываясь всероссійскаго вице-императорства, армянинъ Лорисъ-Меликовъ, который сунулся было съ призывомъ къ обществу, — но общество не пошло, да и не знало, *какъ и куда* идти. Затѣмъ, принялся *разрабатывать вопросъ* вытянутый изъ неизвестности своимъ землякомъ другой россійскій армянинъ и статсъ-секретарь, Кахановъ, добывающійся мѣста министра внутреннихъ дѣлъ; по этому карьеристу *sans foi ni loi* оказалось не подъ силу перескочить черезъ пышнѣйшаго министра, считающаго свое мѣсто синекурою, послѣ того, какъ ему не удалось сѣсть на болгарскій престолъ. Надо было предварительно войти въ довѣріе къ бывшему послу въ Турціи, ознаменовавшему себя страстью къ интригѣ и неосуществимымъ политическимъ затѣямъ, показать свое *усердіе*; по-

слѣдствіемъ же усердія и изобрѣтательности ума „власти предержавшей“ явилось, во первыхъ, положеніе объ „усиленной охранѣ“, отдавшее все населеніе поголовно въ безотчетное вѣденіе полиціи; во вторыхъ, — *счастливая мысль* вылавливать пособниковъ правительству изъ общества *соблазнами*, придавъ этимъ пособникамъ видъ нѣкоторой представительности и названіе свѣдущихъ людей, — сравнительно съ полнымъ невѣжествомъ правителей, дѣйствительно оправдывающихъ это названіе.

Такой способъ думать чужимъ умомъ, не поступаясь въ то же время властью, чрезвычайно понравился самодержцу. Каханова *приблизил* и задалъ ему вопросъ: нельзя ли устроить такъ, чтобы и сѣно было цѣло, и козы сыты, чтобы намъ не только думать, но и управлять чужими умами, а власти своей умаленія не учинить? Хитрый армянинъ, твердо помня сказку о бѣломъ слонѣ, отвѣтилъ, не задумываясь: „можно“! И вотъ, явился указъ объ учрежденіи особой комиссіи, подъ предѣлательствомъ статсъ-секретаря Каханова, для пересмотра провинціального управленія съ цѣлью согласовать дѣятельность общественныхъ учрежденій, выборныхъ мѣстныхъ органовъ съ полицейско-административными цѣлями, повсемѣстно преслѣдуемыми правительствомъ (другихъ его цѣлей мы не видимъ). Такъ объясняется, по крайней мѣрѣ, смыслъ порученныхъ комиссіи преобразованій издатель „Московскихъ Вѣдомостей“, да и вышеупомянутый царскій указъ предписываетъ комиссіи основывать свои сужденія на программѣ, предварительно одобренной комитетомъ министровъ и которая по этому самому не можетъ служить выраженіемъ общественно-народныхъ „нуждъ“ и „пользъ“, отираваться отъ основныхъ правъ личности и мѣстныхъ потребностей населенія, восходя такимъ образомъ отъ частнаго къ общему, ограничивая произволъ центра свободою мѣстнаго самоуправленія, обезпечивая каждому человеку пользование такими неотъемлемыми правами личности, которыя не могутъ быть нарушены ни общиною (міромъ), ни во имя интересовъ области, ни даже во имя интересовъ всего государства (интересовъ, разумѣется, мнимыхъ, а не дѣйствительныхъ). Выходить, слѣдовательно, что правительство хочетъ приурочить дѣятельность общественныхъ органовъ къ цѣлямъ, преслѣдуемымъ *имъ самимъ* и *ополнъ самостоятельно*, сдѣлать общественныя учреж-

денія проводниками и исполнителями *его же* (правительства) воли, замѣнивъ болѣе вліятельными, болѣе способными и свѣдущими людьми утратившее всякій кредитъ, нравственно износившееся чиновничество.

Какая дѣтская мечта!

Какое пошлое намѣреніе *надуть* общество и заставить его работать во вредъ своему и народному благосостоянію!

Мы получили сегодня изъ Петербурга отъ лица, специально знакомаго съ ходомъ нашей иностранной политики, пространную телеграмму, подтверждающую и дополняющую извѣстія нашихъ корреспондентовъ о готовящейся дипломатической кампаніи.

Графу Кальноки, въ его послѣдній пріѣздъ въ Петербургъ, удалось достигнуть соглашенія между Австріей и Россіей по восточному вопросу, которое онъ долженъ былъ сообщить, проѣздомъ черезъ Берлинъ, германскому императору и князю Бисмарку.

Графъ Игнатъевъ, со времени данцигскаго свиданія, отказавшійся отъ точки зрѣнія санстефанскаго мира и съ убѣжденіемъ (?) ставшій на почву берлинскаго трактата, считается въ Петербургѣ самымъ компетентнымъ лицомъ для завершенія послѣдовавшаго соглашенія, приданіемъ ему положительной формы. Если это мнѣніе встрѣтитъ сочувствіе въ Берлинѣ и Вѣнѣ, то графъ Игнатъевъ немедленно отправится въ обѣ эти столицы и, въ случаѣ успѣшнаго исполненія порученія, займетъ по возвращеніи постъ министра иностранныхъ дѣлъ, съ титуломъ вице-канцлера; князь Горчаковъ останется пожизненно государственнымъ канцлеромъ, какъ это было съ графомъ Нессельроде.

Готовившійся было, нѣсколько времени тому назадъ, отправиться посломъ въ Константинополь, г. Гирсъ получитъ, въ качествѣ участника въ данцигскомъ свиданіи, важную миссію поддержанія возстановленныхъ литимыхъ отношеній съ берлинскимъ кабинетомъ.

Г. Новиковъ, по его усиленной просьбѣ, отзывается изъ Константинополя, отчасти въ слѣдствіе остановки въ переговорахъ съ Портою объ уплатѣ военныхъ издержекъ, отчасти же въ видахъ призванія на другой, еще болѣе важный постъ.

Мѣсто графа Кальноки въ Петербургѣ, всего вѣроятнѣе, займетъ г. Каллай, личный другъ Кальноки, вполне раздѣляющій его взглядъ на отношенія къ Россіи и, въ то же время, первый знатокъ восточныхъ дѣлъ.

Намъ пишутъ изъ Петербурга: „Авторитетъ статсъ-секретаря Каханова, этого организатора *par excellence* настоящаго царствованія, начинаетъ замѣтно перевѣшивать

влияние Игнатьева; въ высшихъ кругахъ говорятъ: „Игнатьевъ — способный человекъ, но способный на все; Кахановъ же — убежденный приверженецъ самодержавія и на этомъ красульномъ камнѣ можетъ выстроить здание русской конституціи, одинаково отличающейся отъ конституціи восточной (т. е., деспотіи), какъ и отъ конституціи западной (т. е., собственно, конституціонной монархіи)“. Хорошо будетъ этотъ архитектурный гермафродитъ!

Поговариваютъ, что генералъ Черевинъ будетъ управлять всей полиціей, тайной и явной, съ титуломъ или безъ титула министра, — по съ передачею личной охраны въ вѣдѣніе другого лица. Замѣчательно, что покушеніе Сапковскаго повредило Черевину при дворѣ; говорятъ: „кто свою жизнь подвергаетъ опасности, тотъ не можетъ хорошо охранять и царскую“. Почувствительно!

Предполагаютъ, что учрежденіе *личной охраны* получитъ дальнѣйшее развитіе и составитъ какъ бы особое министерство и чуть не особое правительство.

Графъ Кальноки успѣлъ утѣшить нашихъ дипломатовъ въ своемъ перемѣщеніи въ Виѣну увѣреніемъ, что будетъ и тамъ продолжать дѣйствовать въ интересъ союза съ Россіей. Въ свѣдущихъ кругахъ утверждаютъ, что Кальноки далъ Гиреу самое категорическое обѣщаніе не идти au delà Mitroviča (т. е., на Салоникѣ), а довольствоваться упрочеціемъ за Австріей уже приобретенныхъ ею владѣній на Балканскомъ полуостровѣ.

Помѣщая ниже статью г-на Аксельрода — „Все для народа и посредствомъ народа“, мы, по недостатку мѣста, отлагаемъ до слѣдующаго номера свои возраженія на тѣ предположенія и выводы автора, которые, на нашъ взглядъ, не оправдываются дѣйствительностію.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША

и

ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТІЯ.

XVI.

О необходимости мѣстныхъ организацій говорилъ органъ другой фракціи великорусскихъ социалистовъ, — „Черный Передѣлъ“, называвшій себя „органомъ социалистовъ-федералистовъ“. Но и съ его федеральными стремленіями произошло то же самое, что происходитъ обыкновенно съ вопросомъ федерализма во всѣхъ россійскихъ партіяхъ, — къ которымъ въ данномъ случаѣ невольно прилагается пословица: „далъ богъ ко-

пѣчку, а чортъ дырочку, — и пошла божья копѣчка въ чортову дырочку!“

Въ первомъ номерѣ „Чернаго Передѣла“ мы прочитали слѣдующія слова, которыя заставляли ожидать многого:

„Что касается названія нашего изданія органомъ социалистовъ-федералистовъ, то оно объясняется нашимъ убѣжденіемъ, что лишь федеративный принципъ въ политической организаціи освободившагося народа *), только полное устраненіе принудительнаго начала, на которомъ основаны современныя государства, и свободная организація снизу вверхъ могутъ гарантировать нормальный ходъ развитія народнои жизни. Насколько торжество федеративнаго принципа можетъ быть достигнуто однимъ ударомъ, однимъ побѣдоноснымъ революціоннымъ движеніемъ, невозможно, конечно, сказать въ настоящее время. Но партія должна направить все свои усилія къ обезпеченію его торжества, и социально-революціонныя изданія не могутъ обходить молчаніемъ этого важнаго вопроса. Этнографическій составъ населенія русскаго государства постоянно заставляетъ считаться съ нимъ и въ современной намъ практикѣ. Малороссія, Бѣлороссія, Польша, Кавказъ, Финляндія, Бессарабія, — каждая изъ этихъ составныхъ частей Російской Имперіи имѣетъ свои народныя особенности, требуетъ самобытнаго, автономнаго развитія“.

Но при внимательномъ разсмотрѣніи даже 1 № „Чернаго Передѣла“ открывается уже та „дырочка“, въ которую должны были войти заключающіяся въ вышеписанныхъ словахъ добрыя намѣренія. Остановившись напр. на заглавіи газеты, мы увидимъ, что имѣя, очевидно, областное даже изъ областныхъ. „Черный передѣлъ“ — терминъ великорусскій и даже въ Великороссіи преимущественно лѣсной, верхневолжской, — т. е., той полосы, гдѣ существовали до недавняго времени т. наз. „черныя“, т. е., вольные крестьяне, какъ противоположность крестьянамъ владѣльцевъ, освобожденныхъ (облѣнныхъ) отъ повинностей государству **). Такимъ образомъ, — оставляя даже въ сторонѣ полное несоотвѣтствіе термина „Черный Передѣлъ“ съ идеей социализма, которая именно исключаетъ понятіе о передѣлѣ, — имѣя это могло бы „быть именемъ развѣ популярной газеты и при томъ ультра-народнической въ одной изъ областей Россіи, каковою напр. для Украйны могла бы

*) Мы бы сказали и „освобождающуюся“ народа (а въ Россіи народомъ), такъ какъ историческіе примѣры (Швейцарія, Голландія, С. А. Соед. Штаты) показали, что только тамъ установилась федерация, гдѣ самый процессъ освобожденія волею по федеративному способу.

**) Вотъ опредѣленіе понятія о „черномъ передѣлѣ“ въ книгѣ г. Якушкина: „Обычное право“. „Можно положительно сказать, что идеалъ ярославскихъ крестьянъ составляетъ не личная собственность, а, такъ называемый, здѣсь черный передѣлъ, по которому вся земля, кому бы она ни принадлежала, должна дѣлиться между всѣми, по числу душъ.. Ярославскіе раскольники придаютъ черному передѣлу религіозный характеръ: передѣлъ кончиною міра воцарится на землѣ правда, и тогда земля будетъ раздѣлена равномерно между всѣми.“

служить газета съ именемъ, напр., „Слушный Частъ“. А между тѣмъ издатели „Чернаго Передѣла“ предназначили ему бытъ, во первыхъ, газетою для интеллигенціи и, во вторыхъ, всероссійской.

Послѣ выписанныхъ словъ въ 1 № „Ч. П.“ читаемъ:

„Въ виду этого было бы весьма полезно развитіе мѣстной революціонной литературы; по пока оно составляетъ задачу будущаго, „Черный Передѣлъ“ по необходимости (?) является органомъ всѣхъ *русскихъ социалистовъ*, раздѣляющихъ основныя положенія его программы. Тѣмъ не менѣе, каждое указаніе на мѣстныя отличія въ постановкѣ социальнаго вопроса и практическихъ приѣмахъ партіи всегда найдетъ самый радушный приемъ на страницахъ нашего изданія“.

Но словно чувствуя неловкость своего положенія, несоотвѣтствіе имени и языка своей газеты съ ея всероссійскими претензіями, издатели не рѣшились поставить опредѣлительное прилагательное (напр. русскихъ) во второмъ заглавіи изданія и назвали его глухо: „органъ социалистовъ-федералистовъ“, — тогда какъ имъ слѣдовало бы написать просто и откровенно: „великорусскихъ“, подобно, напр., заглавію: „Der Social-Democrat, Internationales Organ der Socialdemocratic deutscher Zunge“.

Подобное заглавіе и соотвѣтственная ему локализация матеріала и способа изложенія, локализация программы о способахъ дѣятельности придали бы изданію и его фракціи живой областной характеръ, который, кромѣ прямой пользы для данной области, былъ бы полезенъ и косвенно, какъ примѣръ и для дѣятелей другихъ областей. Но неясность ли идей, или боязнь потерять поддержку невеликорусскихъ членовъ кружка (названные въ объявленіи объ изданіи газеты сотрудники болшею частью не великоруссы), заставила группу „Ч. П.“ погнаться въ одно время и за областностью, и за всероссійствомъ. Правда, это всероссійство свое группа хотѣла вначалѣ осуществить на болѣе или менѣе федеральномъ началѣ, объявивъ въ концѣ 1 № подписку на изданія „народныхъ книгъ на великорусскомъ и малорусскомъ языкахъ“. Но кончилось тѣмъ, что группа издала пока четыре №№ „Чернаго Передѣла“ и столько же рабочей газеты „Зерно“ исключительно на великорусскомъ языкѣ и ни одного листка на украинскомъ и въ дальнѣйшихъ своихъ заявленіяхъ объ изданіяхъ на этомъ языкѣ уже и не упоминаетъ.

Такая же участь постигла и заявленные въ одно время съ выходомъ первыхъ номеровъ „Ч. П.“ дифференціаціонныя намѣренія основателей „Русской Соціально-Революціонной Библіотеки“, въ числѣ которыхъ мы видимъ нѣкоторыхъ лицъ изъ тѣхъ, которые выступали публично, какъ члены редакціи „Ч. П.“. „Объявленіе объ изданіи Русской Соціально-революціонной Библіотеки“ *) признало недостатокъ дифференціации

*) Оно ни кѣмъ не подписано, но въ числѣ объ-

въ прежней дѣятельности „русскихъ“ социалистовъ, между прочимъ, въ слѣдующихъ словахъ: „До появленія „Паровой машины“ на малорусскомъ языкѣ, мы не имѣли ни одной книжки, которая доказывала бы, что мы помнимъ о разноплеменномъ составѣ Россійской Имперіи *). Предназначая свои народныя изданія для всего трудящагося люда, отъ одного конца Россіи до другого, мы не приняли во вниманіе того обстоятельства, что русское государство состоитъ изъ различныхъ народностей, вполнѣ сохранившихъ, въ низшихъ слояхъ населенія, свою національную самобытность и свой языкъ. „Сказку о четырехъ братьяхъ“ могли понимать только великоруссы; „Емелка Пугачевъ“ считался годнымъ для оживленія революціонной традиціи какъ въ Поволжьи, такъ и въ Малороссіи, воспѣвающей своихъ народныхъ героев, имѣвшей свои массовыя движенія. Какъ извѣстно, проповѣдники христіанства были въ этомъ отношеніи практичны, чѣмъ мы, ибо апостолы своевременно позаботились о сошествіи святаго духа и о полученіи дара говорить на всѣхъ языкахъ“. Но авторы объявленія хотѣли соединить, по своему, разнообразіе съ единствомъ, предположивъ изданія все таки для всей Россіи, или по крайней мѣрѣ для Россіи славянской, впрочемъ, кажется, безъ польскихъ областей, — но съ раздѣленіемъ на два отдѣла: „1) *Для интеллигенціи*, т. е., для читателей, подготовленныхъ къ чтенію серьезныхъ трудовъ и располагающихъ необходимымъ для этого досугомъ, и 2) *для народа*, т. е., для читателей, не могущихъ воспользоваться трудами первой категоріи (оригинальное опредѣленіе *народа*!). Сюда войдутъ популярныя брошюры для рабочихъ, крестьянъ, козачества и т. д. Народныя изданія „Р. С. Р. Б.“ по языку и способу изложенія будутъ примѣняться къ важнѣйшимъ экономическимъ и этнографическимъ особенностямъ различныхъ мѣстностей Россіи“.

Мы уже намекали выше, что такое раздѣленіе народа и интеллигенціи и недемократично, и непрактично. На основаніи всѣхъ видѣнныхъ нами примѣровъ, такое раздѣленіе, какъ компромиссъ между народно-областностью и государственностью, есть то же одна изъ тѣхъ „дырочекъ“, въ которыя уходятъ „божьи копѣечки“. При всѣхъ такихъ компромиссахъ государственно-національный элементъ непремѣнно поѣдаетъ элементы народно-областные. Интересы этихъ послѣднихъ могутъ быть ограждены только такою организаціею, которая признаетъ полную равноправность народно-областныхъ элементовъ (напр., въ области слова, необходимость для нихъ литературы, — какъ элементарной, такъ и высшей, — развѣтліе которой должно быть предоставлено на волю самихъ мѣстныхъ дѣятелей, а не быть отмѣняемо сверху представителями центрального элемента и учреждений), — та-

явленныхъ въ немъ сотрудниковъ, которые вполнѣ раздѣляли его идеи, находимъ имена гг. Гартмана, Морозова, Лаврова, Парловскаго, Плеханова и др.

*) Издатели „Паровой Машины“ всегда объ этомъ помнили и напоминали другимъ! М. Др.

кою организаціею, которая будетъ состоять прежде всего изъ народно-областныхъ обществъ, а потомъ уже изъ союза ихъ, такъ или иначе представленнаго.

На основаніи этихъ соображеній мы еще передъ выпускомъ „Объявленія объ изданіи Р. С. Р. Библиотеки“, которая положила себѣ цѣлью объединеніе дѣятельности „всѣхъ фракцій русскаго социализма“, считая за фракцію его и украинскіе социалисты, группы „Громады“, (каковая тѣсно соединена съ галицкою группою „Громадского Друга“), — предлагали и на собраніяхъ эмигрантовъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи, и въ почтовыхъ циркулярахъ, разосланныхъ въ разные пункты, стремиться къ „Восточно-европейской интернаціональной федераціи“, которая бы имѣла въ виду дѣятельность для всѣхъ націй Восточной Европейской равнины, входящихъ въ составъ, какъ русскаго государства, такъ и Пруссіи (литовцы, поляки), Австро-Венгріи (поляки, украинцы, румыны) и Румыніи (румыны, украинцы и великоруссы — въ Добруджѣ). Какъ первый приступъ къ такой федераціи, мы предлагали образованіе литературнаго союза для социалистическихъ публикацій на всѣхъ языкахъ Восточной Европы, — плебейскихъ и государственно-аристократическихъ.

Предполагая, что и замыселъ изданія „Русской Соціально-Революціонной Библиотеки“ можетъ быть все таки полезнымъ дѣломъ, какъ шагъ, хотя и робкій, но все таки въ направленіи народно-областномъ, — мы сочли себя обязанными обѣщать свой литературный вкладъ въ эту библиотечку, хотя и должны были отказаться отъ принятія выбора въ члены ея редакціоннаго комитета и вообще отъ всякаго участія въ ея организаціонной дѣятельности, считая основанія „Библиотеки“ не достаточно федеративными. Для проведенія болѣе радикально-федеративнаго плана, мы изложили его въ новомъ циркулярѣ: „Вниманію социалистовъ-эмигрантовъ изъ Россіи“. Въ циркулярѣ этомъ мы воспроизвели, между прочимъ, слѣдующія пять положеній, представленныхъ нами весною 1880 г. на разсмотрѣніе собранія эмигрантовъ въ Женевѣ (великороссы, евреи, поляки, украинцы и др.) послѣ цѣлаго ряда рефератовъ разныхъ лицъ и преній: 1) *объ отношеніи борьбы за политическую свободу къ дѣлу социализма въ Россіи* и 2) *о федерализмѣ и централизмѣ въ дѣлѣ социалистической пропаганды въ Восточной Европѣ*. Вотъ эти положенія:

„1) Собраніе отдастъ предпочтеніе социальнымъ и революционнымъ организаціямъ равноправно-федеральнымъ передъ центральными и иерархическими.

2) Собраніе считаетъ болѣе соответственнымъ интересамъ социализма на Востокѣ Европы организацію социальныхъ партій по естественнымъ областямъ: географическимъ, экономическимъ и національнымъ, чѣмъ на основаніи государственныхъ границъ, существующихъ и традиционныхъ.

3) Въ интересахъ пропаганды социализма на Востокѣ Европы собраніе считаетъ су-

щественною необходимостью организацію социалистической печати на языкахъ народныхъ, а не на однихъ только языкахъ государственныхъ и высшихъ сословій.

4) Такъ какъ изъ языковъ населеній Восточной Европы социалистическая печать уже начата на языкахъ русскомъ, украинскомъ, польскомъ и румынскомъ, то собраніе считаетъ теперь очереднымъ дѣломъ организацію такой же печати на языкахъ: эстонскомъ, латышскомъ и литовскомъ, белорусскомъ, на языкахъ евреевъ и кавказцевъ, — а также приспособленіе нѣмецкой социалистической литературы къ быту нѣмецкихъ рабочихъ на Востокѣ Европы.

5) Признавая существенно необходимымъ образованіе и сохраненіе въ Восточной Европѣ разнаго рода мѣстныхъ (областныхъ и національных) социалистическихъ кадровъ, собраніе вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ необходимымъ возможно болѣе тѣсную связь ихъ и взаимную помощь.“

Изъ этихъ положеній второе стало предметомъ особенно горячихъ преній на нѣсколькихъ собраніяхъ въ Женевѣ и встрѣтило особенную оппозицію именно со стороны представителей „Równości“, — „органа польскихъ социалистовъ“, которыхъ самое имя должно бы говорить въ пользу признанія ими національной основы (базиса, а не принципа) для ихъ дѣятельности, — и „Чернаго Передѣла“, органа „социалистовъ-федералистовъ“, которымъ принадлежатъ выписанныя выше слова о необходимости считаться съ этнографическимъ составомъ населенія и пр. Громаднымъ большинствомъ наше положеніе было отвергнуто, вмѣстѣ съ самой идеей существованія какихъ либо естественныхъ областей, кромѣ государствъ, — которыя, государства, и признаны были единственными основами для организаціи социалистическихъ партій. Это рѣшеніе имѣетъ въ виду посланіе группы „Przedświla“, „Къ товарищамъ русскимъ социалистамъ“, когда говоритъ о „рѣшеніи бывшей группы „Równości“, принятомъ на основаніи переговоровъ съ русскими товарищами въ прошедшемъ году, а именно, что

а) на характеръ социально-революціонной организаціи вліяютъ *исключительно* общеокономическіе интересы и политическія условія.

б) что организація социалистическихъ партій можетъ совершаться на основаніи условій экономическихъ, съ одной, и фактически существующихъ государственно-политическихъ, съ другой, причѣмъ этнографическія границы національности никакъ не могутъ служить базисомъ для организаціи и т. п.“*)

*) Замѣтимъ, при случаѣ, что, какъ оказывается изъ вышеприведенныхъ словъ, группа бывшей „Równości“ прекрасно понимаетъ, что значить слово „базисъ“, между тѣмъ какъ еще въ 1880 г. когда мы, обсуждая занимающій теперь и эту группу вопросъ, сказали въ статьѣ „Les nations de l'Europe Orientale et le socialisme international“ въ „Revue Socialiste“, — что всѣ государственно-политическія основы (bases) польскихъ и русскихъ социалистовъ находятся въ противорѣчій съ революціей, а особенно социальною, — то группа „Równości“ приписала намъ мысль, будто ни у польскихъ, ни у русскихъ социалистовъ нѣтъ социально-революціонныхъ идей (principes), и подила противъ насъ кре-

Даже и изъ выписанныхъ выше положений нашихъ не видно, чтобы мы отрицали значение обще-экономическихъ или политическихъ условий, но только мы не придаемъ этимъ условиямъ (да и никакимъ другимъ) *исключительнаго* значения. Нельзя отрицать ни частныхъ экономическихъ условий каждой области, — между прочимъ, родовъ производства, расположенія центровъ его и рынокъ обмена, опредѣляющихъ расположение и движеніе населенія въ фактически существующихъ экономическихъ бассейнахъ, ни правящихъ условий, вытекающихъ изъ существованія національностей, которые образуютъ связь между населеніемъ, каковая связь важна въ особенности при пропагандѣ словомъ и письмомъ, пропагандѣ, требующей своей организации. Нельзя отрицать также фактически существующихъ осложнений обще-экономическихъ и политическихъ условий, если въ извѣстныхъ областяхъ распластаніе населенія на аристократію, буржуазію, бюрократію и рабочіе классы соответствуетъ его раздѣленію на національности, какъ это, напр., имѣетъ мѣсто во всей почти странѣ отъ Вислы до Дунаю.

Между тѣмъ „переговоры бывшей группы „Równosci“ съ русскими товарищами“ прошли губкою по всемъ фактически существующимъ особенностямъ жизни народовъ и областей, — признавъ только условия обще-экономическія и государственныя^{*)}. Но такъ какъ въ каждомъ почти государствѣ, какъ мы уже не разъ говорили, фактически условия сложили національный централизмъ, — то отрицательное отношеніе къ инымъ основамъ организациі, кромѣ государственныхъ, оказалось равносильнымъ признанію преміи въ пользу государственно-національнаго централизма, т. е., въ Россіи великорусскаго, въ Пруссіи нѣмецкаго, въ Галиціи (такъ какъ о всей Австріи серьезно и рѣши быть не можетъ) польскаго. Уже изъ послѣдняго видно, что польская національность вышла не совсемъ обдѣленной изъ этихъ „переговоровъ“. А кромѣ

стовой походъ, напечатанъ, — вмѣстѣ съ представителемъ „Черн. Перед.“, — противъ нашей статьи протестъ⁽¹⁾ отъ имени „большинства польскихъ и русскихъ социалистовъ въ Женевѣ“. Протестъ этотъ, давалъ ложное понятіе о нашихъ мысляхъ и главномъ намереніяхъ тѣмъ, кто не могъ прочесть нашихъ статей во французскомъ журналѣ, — подрылъ въ самомъ началѣ разсужденія о томъ организационномъ вопросѣ, которымъ теперь должна была заняться гласно сама группа „Przedswita“. — Надеясь, что читатель извинитъ намъ это и еще нѣсколько сдѣланныхъ въ такомъ родѣ примѣчаній и не сочтетъ ихъ за исключительно личные. Ихъ всегда неспрочно дѣлать, но иногда необходимо, въ цѣляхъ общихъ, такъ сказать, санитарнаго характера: если откуда, то именно изъ революционныхъ своръ, слѣдуетъ изгонять неискренность пріемовъ и всякое политиканство. дѣйствіи инсинуациями, анализами и т. п. способами „старого міра“, — лучшее средство изгнания которыхъ гласно на нихъ указано.

^{*)} Почти къ тому же заключенію пришелъ и г. Лавровъ въ примѣчаніи VII къ брошюрѣ Шэфле „Сущность социализма“, — «Национальный вопросъ въ социализмѣ», изданнымъ и въ „Русск. Соц. Рев. Библиотекѣ“ и по польски въ „Biblioteka Równości“. Мы имѣемъ основаніе считать это примѣчаніе до известной степени за отвѣтъ (отрицательный) на наши предложенія.

того, какъ мы уже показали, — въ третьемъ пунктѣ соглашенія „бывшей группы Równosci съ русскими товарищами“, — послѣ рѣшительныхъ словъ: с) „что слѣдовательно польская социалистическая партія, какъ нѣчто цѣлое, существовать не можетъ, а могутъ быть только польскія социальныя группы въ Россіи, Австріи и Германіи^{*)}“, которые, сообщаясь соц. организаціями иныхъ національностей въ данномъ государствѣ^{**)}, создаютъ органический союзъ“, — поставлена оговорка: „что не можетъ мѣшать имъ (польскимъ группамъ) входить въ связь между собой^{***})“. Такимъ образомъ, изъ упомянутыхъ прошлогоднихъ переговоровъ вышли побитыми только національности плебейскія и области, ими населенныя, — что мы напередъ и предсказывали.

Мы говорили, между прочимъ, что безъ признанія необходимости областныхъ и національныхъ организацій даже такое, повидимому, безспорное дѣло, какъ пропаганда на живыхъ языкахъ всѣхъ народовъ, а не однихъ только привилегированныхъ, не можетъ быть даже начата. И дѣйствительно, не только никто изъ забаллотировавшихъ наше предложеніе польскихъ и великорусскихъ централистическихъ псевдонинтернационалистовъ, но и, въ частности, члены группы „Чернаго Передѣла“ и „Русской Соціально-Револуціонной Библиотекѣ“, не смотря на свои обѣщанія, не издали ни одной не только книжки, но даже странички на какомъ бы то ни было плебейскомъ языкѣ, а теперь даже и не говорятъ о своихъ недавнихъ обѣщаніяхъ. Единственная литературная попытка пропаганды социализма на плебейскомъ языкѣ, сдѣланная съ тѣхъ поръ, — была бѣлорусская брошюрка „Про богатство та бѣдноту“, изданная украинскими социалистами, — которые остались въ такомъ поразительномъ меньшинствѣ на жевелевскихъ „переговорахъ“ и противъ идей которыхъ высказался и г. Лавровъ въ одномъ изъ изданій „Русской Соціально-Револуціонной Библиотекѣ“.

Побитою оказалась на прошлогоднихъ переговорахъ группа „Równosci“ и „русскихъ товарищей“ и идея областныхъ организацій вообще. А между тѣмъ въ одной изъ этихъ областей уже показывались признаки крупныхъ народныхъ движеній. Мы говоримъ объ области украинской, въ которой въ послѣдніе 70-е годы произошли весьма многочисленныя аграрныя волненія и нѣсколько городскихъ „беспорядковъ“ и готовилось произойти противоеврейское движеніе. Это послѣднее было предвидѣно небольшою группой украинскихъ социалистовъ, которые, стоя на своемъ областномъ базисѣ, видѣли осложненія „обще-экономическихъ условий“ національными отношеніями евреевъ и украинцевъ и указывали на необходимость

принять во вниманіе эти осложненія. Между прочимъ, какъ разъ передъ тѣмъ, какъ польскіе социалисты группы „Równosci“ порѣшили вмѣстѣ съ ихъ „русскими товарищами“, что „на характеръ социальнореволюціонной организаціи вліяютъ исключительно обще-экономическіе интересы и политическія условия“, трое изъ украинскихъ социалистовъ сочли необходимымъ выступить съ поддержкою мысли объ образованіи специальной группы социалистовъ евреевъ, которая бы имѣла цѣлью пропаганду среди еврейскаго населенія въ Восточной Европѣ на живыхъ его языкахъ, и мотивировали эту поддержку слѣдующимъ образомъ:

„В области, заселенной украинскимъ народомъ въ Россіи и Австріи, живетъ теперь болѣе 1 миліона евреевъ. С другой стороны, врядъ ли гдѣ нибудь происходила столь ожесточенная борьба между массами туземнаго населенія и евреями, какъ в Украинѣ XVII и XVIII ст., в которой евреи являлись органами противнаго народу государственнаго и социальнаго порядка.“

В настоящее время только треть евреевъ украинской области можетъ быть причислена к явно эксплуататорскому классу, другая же треть должна быть отнесена к классу рабочему, и эта треть, равно какъ и значительная часть из остальной трети, — помощников и прислуги у первой, — далеко не пользуется выгодами доходов, извлекаемыхъ, хотя бы и при помощи ея членовъ, еврейскими капиталистами, и живетъ в нищетѣ, часто даже превосходящей нищету „христіанскаго пролетаріата“. Между тѣмъ старая социальнонаціональная борьба между украинцами и евреями оставила по себѣ живую память у потомковъ обѣихъ сторонъ, и память эта удалляетъ одни от другихъ и такіе слои обѣихъ элементовъ населенія, которые принадлежатъ к одинаково рабочимъ и одинаково терпящимъ от теперешнихъ экономическихъ порядковъ. При теперешнемъ отношеніи между украинскимъ народомъ и евреями можно ожидать, что всякое движеніе первого противъ этихъ порядковъ будетъ сопровождено кровавыми сценами еврейскаго избиенія, гораздо болѣе несправедливыми, чѣмъ сцены XVII и XVIII в. С другой стороны, антагонизмъ между евреями и нееврейскими массами народа в Украинѣ служитъ одною изъ причинъ солидарности между такими слоями населенія самихъ евреевъ, которыхъ интересы в сущности противоположны между собою.

Вот почему для социалистовъ Украинской области представляется дѣломъ особенной важности организація пропаганды, которая бы имѣла цѣлью, с одной стороны, отдѣленіе рабочихъ еврейскихъ массъ отъ еврейскихъ капиталистовъ, а с другой, — соединеніе еврейскихъ рабочихъ с рабочими другихъ племенъ. Такъ какъ однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для начала этой пропаганды можетъ служить социалистическая печать на разговорныхъ языкахъ евреевъ, то мы не сомнѣваемся, что всѣ наши товарищи в украинской области окажутъ поддержку вышеизложенному предпріятію товарищевъ-евреевъ.“

Встрѣченный враждебно какъ польскими

^{*)} а польскія группы — это какое же понятіе, этнографическое или обще-экономическое и политическое? Или только „этнографическія“ границы народа польскаго для польскихъ группъ не могутъ служить базисомъ для организаціи?!!

^{**)} Какіихъ національностей? — всѣхъ, или только государственныхъ и аристократическихъ?

^{***} Въ какихъ границахъ оныя?

и русскими псевдо-интернационалистами, так и украинскими националистами, замысел этот не привел пока ни к чему, — если не считать заявления к нему сочувствия со стороны львовских польско-украинских рабочих кружков *). Протиеврейский погром на Украине застал врасплох тамонных социалистов, русских, поляков и евреев, далеко не малочисленных. Мы далеки от мысли, чтоб приятие в самое последнее время предложений небольших женевских групп еврейской и украинской могло оказать существенное влияние на ход последних протиеврейских демонстраций. Для такого влияния необходима была долгая и систематическая работа. Но даже небольшие проявления нового отношения к еврейскому вопросу на Украине, — в род одной-двух прокламаций и к еврейству, и к украинцам, попыток удержания христианской массы от нанесения вреда евреям-рабочим (которые так пострадали напр., в Киеве), участие хоть нескольких еврейско-рабочих в демонстрациях против еврейских эксплуататоров, — все это могло бы послужить зерном для нового, рационального направленного движения, проявившегося в „разгромах евреев“. Но ничего подобного не случилось на Юге России главным образом потому, что тамонная масса русских социалистов, родом из евреев, поляков и украинцев, отилекаемая абстрактными формулами и центристическими тяготениями, оказалась неприготовленной к пониманию местных социально-национальных отношений в их конкретных формах. Во время самого разгрома социалистические кружки оказались советом в сторону от действия, а после погрома (или, лучше сказать, после первого акта его) „русские социалисты“ попробовали сказать о нем свое слово, — но, как видно по примбрам прокламаций, между прочим, и „Народной Воли“, не советом удачно. Судя по газетным о них известиям, прокламации эти или идут совершенно вразрез не только с народным взглядом, но даже и с действительностью, отрицая совершенно еврейский вопрос, как осложнение общего вопроса об эксплуататорах народного труда, или же совершенно становятся на точку зрения тех, кто „разгромил евреев“. А между тем истинная точка зрения заключается не в этих двух отношениях, а в третьем. Но эта третья точка может получиться только из детального исследования дела с его общими и частными, экономическими и национальными подробностями. Эти подробности проскальзывают в последнее время и в великорусских социалистических газетах,

*) Параллельно этой, пока чисто теоретической, попытке еврейских и украинских социалистов в Женеве, на самой Украине попробовали сблизиться между собою „интуисты“ украинские и еврейское „братство“ в Елизаветградѣ, обсуждая с обеих сторон возможность соединения евреев и украинцев в совместном производственном, сельскохозяйственном труде. Это — слабая теперь зерна будущего крупного движения, которое одно в состоянии гуманно решить еврейский вопрос на Украине.

только очень отрывочно. Так напр., в № 4 „Черного Передѣла“ находим такое, для многих, не желающих признавать что либо, кроме „общее экономических отношений“, еретическое сообщение одного корреспондента с левого берега Днѣпра. „Когда паш надъ тобою властвует, это не такъ обидно, а то жидъ, — говорятъ крестьяне. Вообще, противъ пановъ идетъ такого сильного личного озлобления, какъ противъ евреев, хотя, понятно, и первыхъ крестьянинъ далеко не жалуетъ. „Намъ бы только съ жидами справиться, а тамъ и за пановъ примемся“, — говоритъ онъ. Народъ, какъ мнѣ кажется, держится известной градаціи по отношению к своимъ врагамъ. На первомъ планѣ является у него кудахъ инорецъ, далѣе кулакъ православный, но изъ чужой пароду среды, барины, и наконецъ уже слѣдуютъ гг. Разуваевъ и Колунаевъ, т. е., свой же братъ мужикъ *). Еврейскій разгромъ — прелюдія къ болѣе серьезному и цѣлесообразному народному движению“. Последняя строка наводитъ, между прочимъ, на слѣдующія размышления. Теперешнее положение России много не безъ основания сравниваютъ съ положениемъ Франціи передъ Великой Революціей 1789 г. Во время же этой революціи предводителями крестьянской борьбы противъ дворянско-помѣщичьихъ и потомъ противъ королевской администраціи были очень часто сельскіе Разуваевы и Колунаевы, которые же больше всего и воспользовались плодами революціи в селахъ. Почему не повторится тому же самому и в России? Далѣе, — если в народѣ существуетъ градація враговъ, — то не можетъ ли слѣдующій за еврейскимъ народнымъ разгромомъ направиться, напр., на правобочной Украине на пановъ-поляковъ, в другомъ мѣстѣ на полицейскихъ чиновниковъ и т. п. Вотъ подмѣтить эту градацію и вообще всѣ местные вариации общеекономическихъ и политическихъ условий, съ темъ, чтобъ не быть вѣчно захватываемыми врасплохъ событиями, — какъ это постоянно случается съ русскими революционерами, которыхъ захватило врасплохъ и польское возстаніе 1863 г., и сербско-болгарская война 1875—1878, и протиеврейское движение 1881 г., — только и могутъ областныя социально-политическія организаціи, конечно, вооруженныя политическимъ образованіемъ. О такихъ организаціяхъ и слѣдовало прежде всего позаботиться *).

*) Сравни в украинской брошюрѣ „Як паша земля стала не наша“, 1876 г., стр. 55.

*) Что незнаніе великорусскими революционерами положенія дела на Украине было причиною ошибки ихъ в польскомъ вопросе и неприготовленности во время еврейскаго погрома, — это видно съ перваго раза. Не такъ ясна связь подобной же неприготовленности во время последней восточной войны съ отсутствиемъ достаточно сильной оппозиционной организаціи въ украинской области. Дело въ томъ, что съ Украины, — которая своимъ присоединениемъ къ Москвитинъ навязала последней анти-турецкую политику, — видѣе жизненные подробности восточнаго вопроса, чѣмъ изъ Петербурга, и подробности эти чувствуются болѣе съ народной, а не съ православно-государственной точки зрения, какъ въ Москвитинѣ. Вотъ почему небольшая группа

Надо сказать, что въ теченіе 1880 г. въ кружкахъ, прикосновенныхъ къ „Черному Передѣлу“, мысль о местныхъ организаціяхъ, очевидно, ставилась на очередь, — но, къ сожалѣнію, опять находились „дырочки“, въ которыя уходила эта мысль. Летомъ 1880 г. намъ сообщенъ былъ проектъ программы „Великорусскаго общества „Земля и Воля“ при письмѣ отъ „украинскихъ“ членовъ этой организаціи, которые, не отказываясь отъ мысли объ основаніи подобнаго же общества для Украины, сочли нужнымъ, по временному нахождению своему в Великороссіи, присоединиться къ Великорусскому обществу. Мы не станемъ разбирать здѣсь самой программы въ ея частяхъ. Самое интересное въ ней было ея имя, вполне пародно-областное, ясно-национальное, — разрывавшее со всякими государственными стремлениями и недомолвками. Но программа эта появилась въ печати во 2 № „Черного Передѣла“ (вышедшемъ за границей) въ измѣненномъ видѣ: вмѣсто „Великорусскаго“ общества названо „Сѣвернорусскимъ“, — съ слѣдующимъ, впрочемъ, примѣчаніемъ: „Называя себя Сѣвернорусскимъ, общество „Земля и Воля“ относитъ къ району своей дѣятельности и мѣстности Юго-восточной России, въ которыхъ условія быта сельскаго населенія при яли формы, характеристичныя для русскаго Сѣвера“. Въ этомъ примѣчаніи сказано длинно и темно то же самое, что говорило ясно одно слово, — „Великорусское“. Къ чему и почему была сдѣлана замѣна? Почему? — это можно догадываться; — потому, что названіе „Великорусское“ устрашало многихъ своимъ „национализмомъ“ и

сознательныхъ украинцевъ еще съ конца 60-хъ годовъ почувствовала близкую неизбежность взрыва на берегахъ Дуная и стала пробовать обратить вниманіе кого слѣдовало, на связь этого взрыва съ вопросомъ внутренней политики России и убѣждать оппозицію, которую руководили люди петербургскіе, приготовиться къ тому, чтобы воспользоваться въ интересахъ свободы предстоящимъ движениемъ, обративъ его столько же противъ турокъ константинопольскихъ, сколько и противъ московско-петербургскихъ, изъ которыхъ послѣдніе терпятъ послѣдній свой *raison d'être* послѣ испроверженія первыхъ. Изученіе украинскаго народа, — напр. его преданій и политической поэзіи, подтверждали предположеніе о томъ, что протиеврейское движенье можетъ быть живымъ предлогомъ для освободительной агитаціи и среди украинскаго населенія. Всѣ попытки направить въ эту сторону вниманіе великорусской и опеликорушенной демократіи оказались напрасными. Даже, когда въ Гернеговилѣ, Боснии и Болгаріи лилась кровь, публицисты и ораторы великорусскаго социализма продолжали или игнорировать это кровопролитіе, или даже убѣждать сербовъ и болгаръ, чтобъ они подождали, пока произойдетъ въ Германіи, Австріи и Россіи социальная революція, — и тогда-де они разомъ получатъ и социальную, и национальную свободу. (Впередъ!). Нельзя было убѣдить великорусскихъ социалистовъ даже въ необходимости устроить заблаговременно въ Румыніи складъ публикацій для распространенія въ должествовавшей вступить туда арміи, не говоря уже о необходимости создать публикаціи, которые бы были приспособлены для этой арміи. т. е., такіе, которые бы ставили вопросы внутренней политики въ связи съ вопросомъ войны. Сколько нибудь систематическая посылка революціонныхъ изданий въ Румынію началась только со второй половины военнаго періода, — а какъ немногія изъ нихъ и какія именно ставили въ вышеписанномъ смыслѣ социально-политическіе вопросы, это долженъ знать и читатель.

находилось въ противорѣчїи съ тѣмъ соглашеніемъ, о которомъ говоритъ посланіе „Przedświła“ а „къ русскимъ товарищамъ“. Привести же подобная замѣна не могла ни къ чему, какъ только къ затмѣенію идеи о необходимости социальна-политическихъ организаций, соотвѣтственно естественнымъ условіямъ областей: географическимъ, экономическимъ и національнымъ.

Помѣщая программу общества „Земля и Воля“, какъ „полученную отъ Петербургско-Московской организации“, — заграничная редакция „Чернаго Передѣла“ предпослала ей, между прочимъ, слѣдующія слова:

„Остается лишь пожелать скорѣйшаго появленія такихъ же Обществъ и въ провинціяхъ.

„Концентрація революціонныхъ силъ въ столицахъ погубила бы движеніе, и если до сихъ поръ никакія правительственныя репрессалїи не въ силахъ были его задушить, то единственно благодаря децентрализационному его характеру.

„Провинціи должны явиться такими же революціонными пунктами, какъ и столицы. Названіе общества „Земля и Воля“ Сѣверо-русскимъ доказываетъ, что товарищи наши не упускаютъ изъ виду этой необходимости. Необходимымъ дополненіемъ Сѣверо-русской организации должна явиться организациа Южно-русская. При условіи тѣсной связи и взаимной помощи между ними, такое раздѣленіе революціонныхъ группъ окажетъ имъ несомнѣнную пользу въ смыслѣ большаго знанія экономическихъ особенностей и бытовыхъ привычекъ различныхъ мѣстностей Россїи.“ („Ч. П.“ II, 4—5).

Но никакихъ ожидаемыхъ „провинциальныхъ“ организаций не воспослѣдовало, исключая „Южнорусскаго Рабочаго Союза“. Такъ какъ программа этого „Союза“ не обнародована, и ни мы сами, ни кто либо изъ лицъ, намъ знакомыхъ, не видѣлъ даже ни одной изъ тѣхъ частныхъ прокламацій, которыя, по словамъ газетъ, выпускались отъ имени этого „Союза“, то мы и не можемъ судить ни о его характерѣ, ни о его отношеніяхъ къ разнымъ направленіямъ, занявшимъ себя въ послѣднее время въ социально-революціонныхъ кругахъ въ Россїи. Впрочемъ, уже самая малая извѣстность этого „Союза“ говоритъ въ пользу предположенія о его практической слабости; что же касается до теоретической его стороны, то намъ даетъ нѣкоторое указаніе его имя: „Южнорусскій“, — имя безцвѣтно-географическое, а не народное, ясно національное. Центромъ дѣятельности „Союза“ былъ, кажется, Кіевъ, — одинъ изъ центровъ среди населенія украинскаго. Прими союзъ названіе „Украинскаго“, тогда понятно было бы, на какое живое населеніе онъ предполагаетъ дѣйствовать. Но „Союзъ“ или не отдалъ себѣ яснаго отчета объ этомъ населеніи и его особенностяхъ, — которыя главнымъ образомъ и обуславливаютъ необходимость и особой организации, — или тоже убоялся показаться націоналистическимъ, — а потому выбралъ себѣ бѣдное географическое имя, подобно тому, какъ выбираетъ для областей имени правительство, желающее затереть все, что противорѣчитъ идеѣ „единства и

нераздѣльности“ государства: „Привислянскій край“, — „Х-й военный округъ“ и т. п. Такъ какъ украинское населеніе не механическая совокупность двуногихъ существъ, живущихъ въ извѣстныхъ провинціяхъ извѣстнаго государства, а столько же органическое цѣлое, сколько можетъ быть имъ населеніе извѣстной націи, то никакая правительственная работа среди него не можетъ быть успешна и глубока безъ яснаго признанія этой его органичности. А потому и кїевскій „Южнорусскій Рабочій Союзъ“ врядъ-ли можетъ быть признанъ зародышемъ для развитія такой успешной и глубокой работы на пользу украинскаго народа. Мы должны только упомянуть о немъ, какъ объ одной изъ, все таки, почтенныхъ первичныхъ мѣстныхъ организаций, на ряду съ „Южнорусскимъ рабочимъ союзомъ“, пробовавшимъ не безъ успѣха организовать въ 70-е годы въ городахъ побережья Чернаго моря, и съ петербургскимъ „Сѣверо-русскимъ рабочимъ союзомъ“ 1879 г., — но вовсе не въ числѣ такихъ, которыя бы показали примѣръ новой организациа областныхъ политическихъ партій, радикально разорвавшихъ съ идеями національно-государственнаго централизма.

Уже изъ сказаннаго выше видно, что на такой разрывъ не рѣшились и учредители „Великорусскаго Общества Земля и Воля“, превратившагося въ Сѣверо-Юго-Восточно-Русское. Послѣ напечатанія программы этого общества уже ничего не слышно о немъ, а вмѣсто того мы видимъ печатныя проявленія „Общества Земля и Воля“, уже какъ учрежденія всероссійскаго. Съ девизомъ этого общества издаются въ 1881 г. прокламаціи, газеты („Черный Передѣлъ“ и „Зерно“), и хотя въ нѣкоторыхъ изъ этихъ публикацій и продолжаютъ заявленія о необходимости децентрализациа, по заявленію эти не идутъ дальше общаго словъ, а многія частности въ этихъ публикаціяхъ прямо свидѣлствуютъ о крѣпости совершенно централизаторскихъ, національно-государственныхъ, — если не идей, то, говоря англійскимъ терминомъ, „привычекъ мысли“ дѣятелей этого всероссійскаго общества.

Въ № 3 „Чернаго Передѣла“ находимъ заявленіе отъ имени „прежнихъ издателей „Ч. П.“ съ слѣдующими весьма радикальными словами:

„... „Предостерегая партію отъ излишняго увлеченія вопросами чисто политическаго свойства, „Черный Передѣлъ“, думаемъ мы, лишился бы значительной доли практическаго значенія, оставаясь вполнѣ безучастнымъ къ политическому вопросу, столь жгучему теперь въ Россїи. Въ этой области, по нашему мнѣнію, органъ долженъ остаться вѣрнымъ принципу федерализма. Поэтому, распаденіе Россійской имперіи на самостоятельные организмы по естественнымъ областямъ, будетъ откликомъ на зовъ, раздающійся съ другой стороны — „Всероссійскій Земскій Соборъ“. („Ч. П.“, 1881. № 3).

Какъ видитъ читатель, это заявленіе повторяетъ по своему тотъ пунктъ нашихъ предложеній, который такъ рѣшительно былъ отвергнутъ во время тѣхъ „переговоровъ“,

о которыхъ говоритъ посланіе „Przedświła“ къ „русскимъ товарищамъ“, — отвергнутъ при дѣятельномъ участіи нѣкоторыхъ изъ „прежнихъ издателей“ „Ч. П.“ — за-границей. Но во всякомъ случаѣ это заявленіе можно было бы прийтѣствовать, если бы оно повело за собою сознательно-последовательные практическіе шаги. Но дѣло въ томъ, что такихъ шаговъ не только совсѣмъ не видно, покрайней мѣрѣ въ публикаціяхъ всероссійскаго общества „Земли и Воли“, но даже видны шаги совсѣмъ въ противоположномъ направленіи.

Начать съ того, что всѣ подобныя заявленія слишкомъ абстрактны, а потому уже и неясны. Иногда же они редижированы до того обичивно, что со стороны совсѣмъ трудно уловить ихъ реальный смыслъ. Такова напр. редакція „Программы Народной Партіи“, перепечатанной между прочимъ и въ „Вольномъ Словѣ“. Въ программѣ этой, между прочимъ, читаемъ слѣдующія, съ перваго раза очень радикальныя въ федеративномъ направленіи, слова:

„Въ виду того, что разрушеніе идеи централизма въ народѣ еще не привело его къ выработкѣ новаго опредѣленнаго политическаго идеала, Народная партія выставляетъ слѣдующіе основные принципы общественнаго порядка, логически вытекающаго изъ культуры, характера и будущихъ экономическихъ отношеній русскаго народа, которые и считаетъ необходимымъ усиленно пропагандировать:

„а) независимость національностей, механически связанныхъ въ настоящее время въ единую Всероссійскую имперію, б) автономія общинъ, в) свободная федерація общинъ“*). Но прежде всего желательно было бы встрѣтить въ этой программѣ (вообще, далеко не сжатой) перечисленіе хоть главнѣйшихъ изъ тѣхъ національностей, какія теперь связаны во Всероссійскую имперію, — на манеръ того, напр., какъ это сдѣлалъ Бакунинъ, когда писалъ свою программу „Народнаго Дѣла“. Это перечисленіе было бы тѣмъ болѣе необходимо, что въ самой программѣ мы встрѣчаемъ слѣды представленія о Россіи (что въ обыкновенной рѣчи и равнозначно *Всероссійской имперіи*), какъ о чемъ то, если не единообразномъ, то органическомъ („Въ Россіи только одно крестьянство обладаетъ вполнѣ опредѣленнымъ идеаломъ „Земли и Воли“, расходящимся съ принципами современнаго государственнаго и общественнаго порядка“), — а также потому, что программа ставитъ свои „основныя принципы общественнаго порядка“ — не во имя общечеловѣческихъ, выясненныхъ практикою и наукою образованныхъ народовъ, „правъ челоѣка“, „основныхъ правъ“ и т. п., — а какъ „логически вытекающіе изъ культуры, характера и даже будущихъ (!) экономическихъ отношеній (?) русскаго народа“, — хотя при этомъ и считаетъ еще „необход-

*) Автономія и федерація болѣе крупныхъ мѣстныхъ единицъ, — уѣздовъ, областей, — пропущена и въ этой программѣ. Конечно, можно сказать, что она сама собою подразумѣвается, но о ней надо бы говорить постоянно, такъ какъ одна она можетъ охранить автономію общинъ отъ слишкомъ большаго давленія на нихъ центральнаго представительства.

мым усиленно их пропагандировать" (кому?). Что же такое эта *Россия* „Народной Партии“, что такое ее *русский* народ, какія національности должны получить независимость, какъ слѣдствіе, между прочимъ, и будущихъ отношеній русскаго народа?? — все это требуетъ болѣе точнаго опредѣленія, для того чтобъ федеративная программа „Народной Партии“ получила какое нибудь реальное значеніе *). Покамѣстъ же, даже такъ не ясно изложенныя анти-всероссійскія федеративныя стремленія не пашли себѣ приложенія даже въ такой неширокой области, какъ печать, находящаяся въ рукахъ кружковъ „Земли и Воли“.

Передовая статья № 4 „Чернаго Передѣла“ посвящена даказательствамъ необходимости „единенія, сосредоточенія главнаго контингента революціонныхъ силъ на самой насущной, цѣлесообразной и плодотворной практической работѣ“. Забота нѣсколько странная для „органа социалистовъ-федералистовъ“! Изъ двухъ крайностей федералистамъ было бы естественнѣе увлечься рѣшительнымъ „раздѣленіемъ революціонныхъ группъ Россіи“, — говоря словами примѣчанія редакціи № 2 „Ч. П.“ къ программѣ „Земли и Воли“, — нежели „сосредоточеніемъ“. Раздѣленныя группы, если только онѣ состоятъ изъ искреннихъ и дѣловыхъ людей, по мѣрѣ естественнаго расширенія круга работы, непременно придутъ между собою къ резонному соглашенію, — между тѣмъ какъ „сосредоточенная“ организція имѣетъ свойство сопротивляться разчлененію, особенно, если въ нее допущена мысль о томъ, что она сама можетъ опредѣлять и для себя, и для другихъ, что такое „самая насущная, цѣлесообразная и плодотворная практическая работа“. Необходимости, если не сосредоточенія, то объединенія разныхъ социально-революціонныхъ группъ въ Россіи (или лучше, группъ русско-соц. рев. партіи), посвящена между прочимъ и статья г. Лаврова въ № 3 „Чернаго Передѣла“: „Нѣсколько словъ объ организціи партіи“. Но, напр., группа „Громады“, — которую желаетъ г. Лавровъ привлечь въ соглашеніе, какъ одну изъ „русскихъ“ группъ, — считаетъ, что украинцамъ, какъ социалистамъ, „насущная работа“ въ настоящее время открывается въ Австро-Венгріи, — хотя при этомъ признаетъ, что украинцамъ, какъ людямъ, дорожающимъ національной свободой своего народа, — въ Россіи самая насущная работа — борьба съ абсолютизмомъ и централизацией политической. Всякое сосредоточеніе работы, да еще только въ предѣлахъ Россіи, какъ ставитъ вопросъ и редакція „Чернаго Передѣла“, и даже г. Лавровъ, который, впрочемъ, говоритъ болѣе о соглашеніи, чѣмъ о сосредоточеніи, по все таки только въ предѣлахъ

Россіи, — для украинскихъ, напр., дѣятелей равносильно связыванію, если не обихъ, то одной руки. Тоже слѣдуетъ сказать и о тѣхъ полкахъ, которые станутъ на почвѣ реальныхъ условій жизни польской, о румынахъ и т. п. Даже среди самыхъ великоруссовъ проповѣдь „сосредоточенія“ не можетъ привести къ полезнымъ результатамъ, ибо, напр., средоточники — „террористы“ будутъ считать „насущной работой“ политическія убійства, — тогда какъ другіе революціонеры, политическіе и социально-экономическіе, особенно въ провинціяхъ, найдутъ себѣ свои насущныя работы. Не лучше ли и не говорить о „средоточіи“, — а предоставить каждой группѣ выбрать себѣ „насущную работу“, по ея усмотрѣнію, лишь бы направленіе этой работы было полезно для дѣла освобожденія человѣка отъ ига умственного, національнаго, политическаго, экономическаго? Въ дѣлѣ же федерализма самое „плодотворное“ будетъ прежде всего образованіе областныхъ и національных организцій, которыя оди могутъ положить основу и для „независимости національностей, механически связанныхъ въ настоящее время въ единую Всероссійскую имперію“, и для пропаганды среди различныхъ элементовъ ея населенія общечеловѣческихъ освободительныхъ идей.

Всероссійское общество „Земля и Воля“ рѣшительно для этого не годится, какъ показываютъ его же публикаціи, — „Черный Передѣлъ“ и „Зерно“. Судя по всѣмъ видимостямъ, сотрудники ихъ, — великоруссы и украинцы, — не составили себѣ яснаго понятія ни о публикѣ, для которой они пишутъ, ни о населеніяхъ, о которыхъ они пишутъ. Судя по языку, „Зерно, рабочая газета“ должна издаваться для великоруссовъ; особенно хроника, озаглавленная — „русская жизнь“ пишется вполнѣ простонароднымъ, — и даже простонародничающимъ, великорусскимъ языкомъ (передовыя статьи писаны смѣсью этого языка съ студентскимъ жаргономъ). Но этимъ же языкомъ написана статья о еврейскихъ погромахъ, обращенная прямо къ дѣйствующимъ лицамъ, къ украинскому населенію, — и такимъ образомъ не годится ни для петербургскихъ рабочихъ, которые сами евреевъ не громади, ни для украинцевъ, о которыхъ въ добавокъ петербургскимъ рабочимъ „Зерномъ“ дается превратное понятіе, такъ какъ украинское населеніе называется безразлично „русскимъ“ народомъ, какъ и населеніе петербургское. Въ „Черномъ Передѣлѣ“ говорится, что мысль о „черномъ передѣлѣ“ сильно распространяется въ украинской области, между тѣмъ какъ тамъ никто изъ крестьянъ и не понимаетъ, что это такое, „черный“ передѣлъ и почему это какой нибудь передѣлъ можетъ называться по цѣту. Словомъ сказать, безразличное смѣшеніе областей украинскихъ и великорусскихъ мѣшаетъ всероссійскимъ землевольцамъ не только говорить съ населеніемъ разныхъ областей доступнымъ имъ способомъ, но даже наблюдать жизнь этихъ областей.

Впрочемъ, въ 3 и 4 №№ „Чернаго Передѣла“ есть нѣсколько прелюбопытныхъ корреспонденцій изъ Украины, преимущественно

по тѣхъ сотрудниковъ, которые не пускаются ни въ какія обобщенія, а просто, даже анекдотически, передаютъ свои наблюденія. И эти наблюденія показываютъ, что среди украинскаго населенія происходитъ чрезвычайно сильное броженіе, что это населеніе усиливается понять условія и явленія окружающей его социально-политической жизни и что ему немногаго не достаетъ, чтобы понять эти условія вполнѣ вѣрно, что оно поняло бы ихъ до конца и поднялось бы для ихъ измѣненія, если бы на помощь ему явились организованные и умѣлые люди изъ интеллигенціи. Но именно всероссійство мѣшаетъ организціи такихъ людей, и отнимаетъ у нихъ возможность явиться умѣлыми пропагандистами здоровыхъ социально-политическихъ идеаловъ, отнимаетъ даже у тѣхъ, кто берется быть такимъ пропагандистомъ. Изъ нѣсколькихъ примѣровъ въ подтвержденіе сейчасть сказаннаго, которые находимъ въ „Ч. П.“, остановимся на одномъ изъ № 3-го. Корреспондентъ рассказываетъ о томъ, какъ одинъ молодой отставной солдатъ, изъ сословія „малороссійскихъ козаковъ“, додумался до мысли о томъ, что „не нужно ни пановъ, ни поповъ, ни царя“, — только все таки смущался, какъ же это можно жить безъ царя (какъ правителя). „Я слыхалъ, говоритъ онъ, какъ былъ въ солдатахъ (у москаляхъ), что есть такая *расублика*, гдѣ царя нѣтъ; только не знаю, какъ тамъ живутъ“. — Я объяснилъ ему, — говоритъ корреспондентъ, — какъ можно обойтись безъ царя. — „Да, такъ... оно выходитъ: какъ мы вотъ старшину выбираемъ, такъ и тогда, — вмѣсто царя, начальство; какъ плохо будетъ, то перемѣнить можно и выбрать другое.“ Такъ говоритъ мужикъ изъ „малороссійскихъ козаковъ“, — и корреспондентъ народнической газеты не догадывается сказать ему, что еще 120-ти лѣтъ не прошло съ тѣхъ поръ, какъ и въ Полтавской губерніи была республика, — конечно, со своими несовершенствами, — но въ которой по принципу волость (козацкая сотня) выбирала свое правительство (старшину), уѣздъ (полкъ) — свое, — а вся федерация (козацкая рада) выбирала президента и министровъ (гетмана и генеральныхъ старшинъ). Такая республика существовала даже до 1/2 XVIII в. на лѣвомъ берегу Днѣпра и уничтожена царицей, которую помнитъ вся Украина, какъ панекую покровительницу, только въ 1764 г.; въ харьковской и прилегающихъ частяхъ курской и воронежской губерній полковыя республики отысканы тою же царицею только въ 1765 г., а республика Запорожская только въ 1775 году. Напомнимъ, что однихъ „малороссійскихъ козаковъ“ въ черниговской и полтавской губерніяхъ около 1.000.000 душъ; государственныхъ крестьянъ изъ бывшихъ слободскихъ украинскихъ полковъ до 700.000 душъ, да во всей Украинѣ помнятъ о запорожскихъ козакахъ *). Вотъ вамъ превосходная основа

*) Не желая повторяться, мы не будемъ говорить ни о слѣдахъ руссофильскаго народническаго мессианства въ этой программѣ, ни о ея классическо-якобинскомъ преклоненіи передъ „народомъ“ и его „идеалами“, — не смотря на то, что программа полагаетъ нужнымъ и поставитъ народу временныя правительства и поставитъ народу временныя правительства и признаетъ, что народъ еще не выработалъ, напр., ни политическаго идеала, ни „широкаго коллективизма“ и т. п. О „самодержавіи народа“ хлопочетъ и „Зерно“ (перед. статья, № 4).

*) Другой корреспондентъ рассказываетъ, какъ въ одной хатѣ старикъ и жена его говорили съ нимъ о Запорожьи, припоминали пѣсни запорожскія; наконецъ старуха говоритъ: „а слышно, вновь будетъ Запорожье“ — „За чѣмъ же?“ — „Да, говорятъ,

для пропаганды республиканских идей, да еще с аграрно-демократическим оттенком! Но корреспонденты „Черного Передѣла“ словно не знают, с кѣмъ они имѣютъ дѣло на Украинѣ, и думаютъ, что и здѣсь противонарска или безцарскія идеи така же новость, какъ въ какой нибудь центральной губернии въ Великороссіи! Вотъ до чего довело ихъ удаленіе отъ украинскаго народа, произведенное сначала оффициальною обручительною школою, а потомъ псевдоинтернациональнымъ всероссійствомъ.

Рѣшительное раздѣленіе политико-соціальной оппозиціи въ Россіи по областнымъ организациямъ повело бы за собою сначала изученіе областныхъ и національных особенностей жизни, преданій и настроеній разныхъ населеній, а потомъ и опредѣленіе наилучшихъ способовъ проведенія въ эти населенія идей свободомыслящей интеллигенціи. Что касается украинскаго населенія, то послѣднее было бы и не трудно, такъ какъ и теперь много среди него говорятъ, что „не надо ни паневъ, ни поповъ, ни царей“ и что „вѣрно не обойдется безъ того, чтобъ не взятыся за дубье, да взбунтоваться“. А потому украинскіе члены всероссійской „Земли и Воли“, поддерживающіе „Черный Передѣлъ“ и „Зерно“, сдѣлали бы самое лучшее, если бы образовали специальное украинское общество и начали издавать специальные листки или газету на украинскомъ языкѣ, — и это косвенно имѣло бы полезное вліяніе, напр., и на самое „Зерно“, которое, ставъ тоже специально великорусскимъ листкомъ, выиграло бы въ опредѣленности и матерьяла, и изложенія.

Эти слова пусть примутъ украинскіе члены „Земли и Воли“, обратившіеся къ намъ съ инициативою въ публичномъ дѣлѣ, — за отвѣтъ нашъ. Этими же словами мы можемъ заключить и нашу критику государственнотерралистическаго всероссійства въ стремленіяхъ русскихъ народниковъ или „соціалистовъ-федералистовъ“.

Намъ остается только сказать нѣсколько словъ объ ихъ отношеніяхъ къ Польшѣ. Специально и сколько нибудь основательно о польскомъ вопросѣ не высказалась и эта фракція, какъ и фракція политическихъ террористовъ. Отдѣльные же замѣчанія, въ родѣ напр. рѣчи на женевскомъ митингѣ 29 ноября 1880 г. (г-жи В. Засулнцъ и разныхъ представителей „Черного Передѣла“), отличались довольно общимъ выраженіемъ сочувствія полякамъ-соціалистамъ съ полнымъ игнорированіемъ вопроса о границахъ Польши, т. е., по отношенію къ полякамъ-соціалистамъ, о естественной области для приложенія ихъ труда. Въ одномъ случаѣ „Черный Передѣлъ“ явно склонился къ польскимъ историческимъ стремленіямъ. Мы ра-

зумѣемъ помѣщеніе, безъ всякихъ оговорокъ, въ 1 № „Ч. П.“ статьи, которая трактовала, подобно „Równości“, социалистическое движеніе въ Галиціи, какъ „польское социальное движеніе“, и признавала Галицію за „австрийскую часть Польши“. Последнее есть прежде всего ошибка противъ нѣкой географіи, хотя довольно распространенная среди великорусскихъ публицистовъ, но нѣсколько удивительная у тѣхъ лицъ, которые въ томъ же № „Ч. П.“ заявили желаніе издавать книги и на украинскомъ языкѣ. До извѣстной степени помѣщеніе „Ч. П.“ о нѣ вышеупомянутой статьи въ духѣ „Równości“ объясняется тогдашними дипломатическими отношеніями двухъ заграничныхъ редакцій, которыхъ подписи фигурировали рядомъ въ разныхъ манифестаціяхъ, — и не можетъ быть поставлено за счетъ всей группы. Въ какое отношеніе станутъ различныя фракціи этой группы, когда практическое приложеніе ихъ труда въ областяхъ на западъ отъ Днѣпра приведетъ ихъ въ реальное соприкосновеніе съ разными польскими элементами, покажетъ будущее. Покажетъ же характеристично, что то соглашеніе заграничныхъ представителей группы „Черного Передѣла“ съ группою „Równości“, о которомъ говоритъ посланіе „Przedswita“ „къ русскимъ товарищамъ“, слѣдуетъ считать разорваннымъ заявленіемъ въ 3 № „Черного Передѣла“ и въ Программѣ „Народной Партіи“, которая высказывается противъ государственныхъ основъ соціальныхъ организацій и за „распаденіе Всероссійской Имперіи на естественныя области и за независимость ея національностей“. Впрочемъ, судя по посланію „Przedswita“, можно думать, что теперь группа его обращается съ предложеніемъ союза больше къ „русскимъ террористамъ“, чѣмъ къ „народникамъ“, — хотя, съ другой стороны, въ послѣднее время въ печать проникли извѣстія о томъ, что сами русскіе „народники“ теперь соединились съ „террористами“. На чемъ состоялось это соединеніе, пока еще неизвѣстно документально или оффициально, — но крайней мѣрѣ намъ, у которыхъ нѣтъ подъ рукою всѣхъ публикацій петербургскихъ вольныхъ типографій. Въ 160 № сербской социалистической газеты „Радици“ (Работники), отъ 15 ноября, мы встрѣтили, впрочемъ, извѣстіе о томъ, что соединеніе состоялось на программѣ изъ 12 пунктовъ, которая тамъ и приводится. Программа эта, въ общемъ, подходитъ къ программѣ „исполнительнаго комитета“, но въ ней децентрализационныя стремленія выражены гораздо яснѣе. Такъ, пунктъ 2 гласитъ: „Русское государство должно быть раздѣлено и управляемо согласно правамъ и обычаямъ самого народа (народовъ??), но великій округъ долженъ быть въ связи со всѣмъ русскимъ союзомъ. Внутреннее, мѣстное управленіе должно быть устроено согласно требованіямъ самой мѣстности и народа, — а общіе государственные представители должны завѣдывать союзнымъ правительствомъ и соборомъ“ — а 3-й пунктъ: „Народамъ, которые насильно покорены и при-

*) Мы должны переводить съ сербскаго перевода, а потому не ручаемся за точность изложенія.

соединены къ Россіи, предоставляется свободный выборъ вступить въ союзъ съ русскимъ союзомъ или отдѣлиться и образовать отдѣльныя государства“.

Мы не станемъ разбирать здѣсь ни всю программу, ни даже эти пункты. Мы скажемъ только, что, по нашему мнѣнію, те перешнмъ политико-соціальнымъ дѣятелямъ въ Россіи всего практичнѣе было бы въ своихъ программахъ опредѣлять не только общіе принципы мѣропріятій и порядковъ, которые будутъ провозглашены, какъ говорить, „на другой день революціи“, но и частные способы дѣйствія „наканунѣ революціи“, тѣмъ болѣе, что отъ послѣднихъ зависитъ въ сущности и характеръ первыхъ. Въ данномъ случаѣ намъ особенно интересно было бы знать, на чемъ порѣшили всероссійскіе „террористы“ и „народники“ относительно своей собственной организаціи, напр., по вопросу объ областныхъ организаціяхъ. Затѣмъ, для насъ все такъ остается неяснымъ, что такое разумѣютъ составители программы подъ словами: „Россія, русскій союзъ“ и „народы, насильно соединенные съ Россіей“.

Переходя къ польскому вопросу, мы усматриваемъ, что и эта программа, въ сущности, противна государственнымъ стремленіямъ Посланія „Przedswita“ „къ русскимъ товарищамъ“, — а потому безусловно положительный отвѣтъ со стороны составителей только что цитированной программы на предложеніе „Przedswita“ быть бы нѣкоторымъ сюрпризомъ. Впрочемъ, отношенія соединенныхъ русскихъ „террористовъ“ и „народниковъ“ къ предложеніямъ „Przedswita“ и вообще къ польскому вопросу (все такъ прежде всего политическому) стали бы ясны только тогда, когда бы всѣ эти группы высказались ясно о вопросахъ плебейскихъ народовъ бывшей Польши и те перешней Россіи: латышей, литовцевъ, бѣлоруссовъ и украинцевъ. До сихъ поръ мы не видимъ ясной постановки этихъ вопросовъ ни въ одной изъ недавно обнародованныхъ программъ ни польскихъ, ни великорусскихъ революціонеровъ.

Такимъ образомъ, мы въ концѣ обзора отношеній между польскими и великорусскими революціонерами за послѣдніе двадцать лѣтъ наталкиваемся на цѣлый рядъ неясностей, недомолвокъ и неизвѣстностей. Читатель припомнитъ, что мы и начали настоящія статьи съ указанія на существованіе этихъ неясностей, недомолвокъ и неизвѣстностей.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

М. Драгомановъ.

ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА

(отъ нашего корреспондента.)

Москва болѣе не въ Москвѣ: она между нами! Вчера въ Петербургъ пріѣхали Черняевъ, Фадеевъ и самъ Катковъ съ секретаремъ и большимъ портфелемъ.

Что значитъ это нашествіе одноязычниковъ? Вотъ о чемъ толковали мы цѣлый день. Черня-

чтобъ землю отъ пановъ отобрать! — Прибавимъ еще, что въ началѣ 1870-хъ годовъ, когда бывалена была общаа воинская повинность, — то во многихъ мѣстахъ на Украинѣ крестьяне поняли ее такъ, что теперь всѣ будутъ козаками и имѣть землю, — а въ екатеринославской губ. говорили, что Катериша на 100 лѣтъ уничтожила Запорожье, а теперь оно должно быть восстановлено: всѣ будутъ козаками и получать назадъ розданныя панамъ запорожскія земли.

евъ, понятно, желаетъ командовать сербскими войсками противъ австрійцевъ или русскими противъ сербовъ; Фадѣевъ — болѣе насчетъ жизни; ну, а Катковъ? да еще съ портфелемъ? неужели опять будетъ писать манифестъ? *) Петербургскіе репортеры наострили уши и слѣдить за нимъ не хуже какой нибудь „охраны“. Пока узнали только, что Катковъ былъ у Пигатьева и не былъ принятъ. Зато онъ и обл генерала имѣли продолжительное совѣщаніе съ Воронцовымъ-Данковымъ.

Извѣстія эти и вытекающія изъ нихъ предположенія подтверждаются отчасти тѣмъ, что я слышалъ сегодня отъ 2—3-хъ хорошо извѣстныхъ лицъ. Между Пигатьевымъ, съ одной стороны, и Воронцовымъ-Данковымъ (за которымъ стояли еще важнѣйшія особы), съ другой, существуетъ разногласіе. Пигатьевъ хочетъ отъ времени до времени давать удовлетворенія общественному мнѣнію и обезоруживать имъ движеніе впередъ. Воронцовъ-Данковъ и друзья его хотѣли faire grand, т. е., долго не давать ничего, а потомъ вдругъ дать — не все, но многое (по крайней мѣрѣ, по ихъ мнѣнію) и удивить всѣхъ неожиданностію. — Хороша неожиданность, о которой говорить уже два года! — Какъ бы то ни было, но Каткова вызвали, чтобъ онъ имъ разъяснилъ ихъ собственныя мысли и изложилъ красноречиво и возвышенно.

Кто знаетъ, впрочемъ? Если Катковъ пострадается и напишетъ очень возвышенно, то пожалуй будетъ и манифестъ, конечно, объ утвержденіи самодержавія.

Объ общественномъ мнѣніи, русскомъ и европейскомъ, у насъ очень заботятся. Правительство дѣятельно поощряетъ телеграфическія агентства. Славянское агентство состоитъ изъ квартета: Катковъ, Комаровъ, Суворинъ и Успенскій („Сынъ Отечества“); полтеновское „Agence russe“ для иностранныхъ журналовъ, стало, какъ „русское агентство“, снабжать извѣстными провинціальными напisi газеты въ духъ (какъ сказано въ концессіи) „Правительственного Сельскаго Вѣстника“. Наконецъ, Трубиновъ, извѣстный антрепренеръ агентствъ и журналовъ, постоянно забывавшій удовлетворить подписчиковъ при прекращеніи своихъ предприятий, не падаетъ еще ни журнала, ни телеграфнаго агентства, но уже успѣлъ получить концессію и субсидію отъ правительства. Можно ли говорить послѣ этого, что правительство не старается привлечь къ себѣ общество?

Что касается до новаго процесса, Санковского и Мельникова, то онъ будетъ имѣть мѣсто, между серединой и концемъ января, въ петербургскомъ окружномъ судѣ, при закрытыхъ дверяхъ. Рассказываютъ, что не открыли у нихъ никакихъ сношеній съ революціонерами; это покушеніе дѣло личное, — люди хотѣли только прославиться.

Новое министерство полиціи будетъ вмѣщать не только департаментъ государственной полиціи и жандармскій корпусъ, но также почтовое и телеграфное вѣдомства. Это будетъ хоть на чистоту: всякій, кто пошлетъ письмо или телеграмму, будетъ знать, что то или другое въ рукахъ у полиціи.

*) Вѣроятно, намекъ на манифестъ 28 апрѣля, который, какъ извѣстно, писалъ въ кабинетѣ императора Побѣдоносцевымъ, но не безъ предварительнаго совѣщанія съ Катковымъ. *Ред.*

Ревизіи, произведенныя въ некоторыхъ губерніяхъ сенаторами, такъ поправились, что хотѣть ревизовать и остальную Россію. Не дурно было бы обревизовать и окраины. По извѣстіямъ съ Кавказа и изъ Закавказья, мусульмане и христіане бѣгутъ отъ разбойничества чиновниковъ. Во вновь же завоеванной Туркменіи чиновники и офицеры успѣли уже чудеса надѣлать: они разобрали себѣ земли всѣхъ текинцевъ, бывшихъ въ отечествѣ, т. е., бѣжавшихъ въ Мерв; про одного полковника рассказываютъ, что онъ забралъ себѣ 25,000 десятинъ. Но вотъ бѣда! — Туркмены получили позволеніе возвратиться и занять прежнія свои земли. Что же теперь будетъ?

Б.

ИЗЪ ЦЕТИНЫ

(Отъ нашего корреспондента).

Медленность почтовыхъ сообщеній здѣшняго края съ tête de ligne западныхъ желѣзныхъ дорогъ и быстрота телеграфическихъ, а также и соображенія другого рода, не позволяютъ мнѣ извѣдомить Васъ о движеніяхъ и планахъ усташей. Я долженъ поэтому ограничиться очерченіемъ характера борьбы и сужденіемъ о совершившихся уже событіяхъ.

Прежде всего, однако, я долженъ исполнить просьбу многихъ черногорцевъ и герцеговинцевъ и опровергнуть небылицы, рассказываемыя цетинскими корреспондентами одной петербургской газеты, къ которымъ здѣсь относится вовсе неравнодушно. Въ № 2051 „Новаго Времени“ г. М. М., повидному, сочувствующій усташамъ, говоритъ вещи, не только вовсе не вѣрныя, но и далеко имъ неспріятныя и даже неудобныя для Черногоріи. Невѣрностямъ, которыми полна корреспонденція, я не придаю значенія: это показывается только, что авторъ не знакомъ съ краемъ, а можетъ быть, и никогда не видалъ его. Кто изъ живущихъ здѣсь, напр., не знаетъ, что Лазарь Сочинца не Гатчинскій, а воевода Инсбріи; въ прошлое возстаніе, во всѣхъ газетахъ, да и въ „Н. В.“, его иначе не называли, но теперь онъ вовсе не „нишурентъ“, а черногорскій сановникъ, — смѣшивать то и другое не приходится. Гораздо важнѣе, что авторъ корреспонденціи приписываетъ теперешнему вождю усташей желаніе „уничтожить герцеговинцевъ и турокъ, которые черезъ чуръ усердствуютъ за Австрію“, и даже прямо утверждаетъ, что Стоянъ убилъ „десятки приверженцевъ Австріи“. Это возмутительная ложь. Турокъ въ Герцеговинѣ нѣтъ; герцеговинцы же, мусульмане, какъ и христіане, всѣ ненавидятъ Австрію и не думаютъ ей усердствовать. Усташей почти столько же мусульманъ, какъ и христіанъ, но они не тронули до сихъ поръ ни одного герцеговинца, ни даже австрійца, исключая высылаемыхъ противъ нихъ отрядовъ войскъ. Они ведутъ войну съ австрійскими войсками, и обвиняютъ ихъ въ насиліи противъ кого либо, особенно же противъ своего брата герцеговинца, — ложь и клевета. Еще неспрiятнѣе для самихъ черногорцевъ рассказы корреспондента, будто усташа „получаютъ все свое оружіе отъ черногорцевъ“. Здѣшнее правительство уже протестовало противъ такого обвиненія австрій-

скихъ властей, и повторять его брату-славянцу безтактно и глупо. Австрійскій резидентъ въ Цетинѣ знаетъ славянскіе языки и пользуется статьями русскихъ газетъ для подкрѣпленія своихъ обвиненій и притязаній. А корреспондентъ вѣдь дѣлаетъ это изъ сочувствія. Вотъ уже именно правъ вамъ баснописецъ: „услужливый дуракъ опаснѣе врага“.

Дѣло въ томъ, что Черногорія не можетъ помогать возстанію. Она теперь гораздо болѣе открыта для неспріятельскаго нашествія, чѣмъ до берлинскаго мира. Не говоря уже о черногорскомъ приморьѣ, на которомъ, по трактату, морскія полиціи принадлежатъ Австріи и которое всегда можетъ быть занято австрійцами, форты Спидца и Нехай, присоединенныя къ Австріи въ 1878 г., командуютъ всѣми стратегическими пунктами до горы Суторина и облегчаютъ вторженіе въ Черногорію съ юга, тогда какъ новая, австрійскими инженерами выстроенная, дорога ведетъ изъ Котора прямо на Цетинь. Черногорскій народъ, конечно, всегда готовъ на войну съ кѣмъ бы то ни было, но правительство не желаетъ и не можетъ желать войны съ Австріей, которая ему не обѣщаетъ никакихъ выгодъ, а подвергаетъ его большимъ опасностямъ. Я положительно знаю, что князь и его ближайшіе люди отговаривали Стояна отъ поднія оружія и стараются, какъ могутъ, мѣшать черногорцамъ идти въ его чету; эта чета (отрядъ) вся состоитъ изъ однихъ герцеговинцевъ.

Сейчасъ читалъ въ „Гласу Черногорца“ энергическую, петинно по черногорски написанную, статью, въ которой объявляется категорически, что между усташами „нѣтъ и быть не можетъ ни одного черногорца“; тѣ, которые утверждаютъ, что Сочинца и другіе черногорцы — въ рядахъ усташей, дѣлаютъ это изъ „завистнаго, злобнаго и нечистаго намѣренія“.

Въ видахъ лучшаго воспріятіи своего подданнымъ идти въ усташа, князь Николай запретила пропускать черезъ границу безъ „путнаго листа“, т. е., паспорта; съ своей стороны, австрійцы устраниваютъ кордонъ вдоль всей черногорской границы; объ мѣры чрезвычайно невыгодныя и стѣснительныя для жителей княжества.

Одинъ, прибывшій сюда недавно изъ Мостара, герцеговинецъ рассказывалъ мнѣ, что австрійскія власти запретили въ герцеговинскихъ школахъ учить и даже читать исторію сербскаго народа; стараются также некорректно самое имя сербовъ, и ввести названіе „греко-восточныхъ“ (griechisch-orientalische); и это дѣлается въ странѣ, гордящейся тѣмъ, что она была вѣками ередоточіемъ сербской національной жизни!

Всѣ мусульмане Герцеговины возмущены мыслью служить въ австрійскомъ войскѣ; изъ нижней Герцеговины болѣе тысячи мусульманскихъ семействъ рѣшились выселиться въ Старую Сербію; въ Верхней, напротивъ, т. е., на Гацкомъ полѣ, въ Билечкомъ и Невескомъ округахъ, выселиться не думаютъ, а многіе идутъ къ Стояну.

Отправляюсь въ Которъ и оттуда напишу Вамъ о состояніи самой Черногоріи.

П.—ич.

ВСЕ ДЛЯ НАРОДА И ПОСРЕДСТВОМ НАРОДА.

(Отвѣтъ на письмо И. П.)

Напечатанное въ 10 № „В. С.“ письмо, за подписью И. П., о социальном-революционных партияхъ въ Россіи содержитъ въ себѣ, между прочимъ, нѣкоторыя ошибочныя положенія, на столько существенныя съ точки зрѣнія „соціалистическаго катехизиса“, что нелишне будетъ высказаться по поводу ихъ и представителямъ изъ лагеря „чистыхъ социалистовъ“, къ числу которыхъ я имѣю честь принадлежать. Тонъ письма и общій характеръ отношенія его автора къ революционнымъ группамъ въ Россіи ясно обнаруживаетъ въ немъ человека, всецѣло преданнаго нашему революционному движению. Очевидно, онъ самъ пережилъ, если не все, то нѣкоторыя фазы этого движенья, почувствовалъ горе и радости своихъ товарищей — участниковъ въ послѣднемъ и лично работалъ на пользу его не изъ прекраснаго далека или въ роли „сочувствующаго“, а непосредственно на полѣ сраженія, подвергаясь всѣмъ рискамъ, связаннымъ съ нимъ въ Россіи. Именно это то обстоятельство побуждаетъ меня возразить на нѣкоторыя высказанныя имъ положенія, представляющія, весьма вѣроятно, преходящую реакцію нѣкоторыхъ односторонностей и крайностей, сопровождавшихъ наше, сравнительно молодое, революционное движенье. Тѣ же взгляды, по въ устахъ недружелюбно настроеннаго или свысока третирующаго революционное движенье противника, хотя бы и изъ лагеря враговъ существующаго политико-соціального строя, не могли бы и въ отдаленной степени произвести такого впечатлѣнія на социалистическую молодежь, какъ въ данномъ случаѣ, когда они высказаны товарищемъ.

Авторъ начинаетъ свое письмо бѣглымъ обзоромъ возникновенья революціоннаго движенья въ Россіи и констатированіемъ ряда крайностей въ немъ, происшедшихъ отъ того, что главный контингентъ его инициаторовъ и участниковъ состоятъ изъ неопытной и теоретически только подготовленной молодежи, не унаследовавшей при этомъ отъ прежнихъ поколѣній традицій серьезной революціонной борьбы. Выступила же молодежь на борьбу съ вѣковой несправдой и произволомъ потому, что „зрѣлое“ общество или холопетствовало передъ властью, или показывало ей кукишъ въ карманѣ, или ублаживало себя надеждой на непреодолимый ходъ органическаго прогресса, въ особенности, если въ обществѣ накопляются запалы. Но въ то время, когда солидные элементы общества, за весьма рѣдкими исключеніями, прозябали въ такой правительственной дряблости, „возмужавшему юношѣ уже представлялось, сколько человекъ голодаетъ, потому что онъ сытъ... Образъ замученнаго, забитаго, съ укоромъ смотрящаго на него мужика, преслѣдуетъ его воображеніе“. Констатируя этотъ фактъ, автору, конечно, не приходится на умъ укорять молодежь

за то, что она посреди всеобщаго индифферентизма и холопства ринулась съ скуднымъ запасомъ свѣдѣній и опыта на борьбу за свои общественныя идеалы вмѣсто того, чтобы отерочить это дѣло до того блаженнаго времени, когда она обогатится жизненнымъ опытомъ и теоретической мудростью, рискуя при этомъ принять образъ и подобіе окружающей общественной среды. Когда человекъ тонетъ и собравшаяся толпа только глазѣтъ и вздыхаетъ, то естественно, если какой нибудь неопытный пловецъ, въ порывѣ глубокаго состраданія къ утопающему, бросится въ воду, рискуя не только не спасти его, но и самому погибнуть. И было бы по меньшей мѣрѣ невеликодушно бросать въ такого человека упреки за то, что онъ не отерочилъ спасенія утопающаго впредь до основательнаго изученія искусства плаванія. Гораздо добродѣтельнѣе и цѣлесообразнѣе обратить свое негодование на эгоистическія инстинкты окружающей толпы.

Я также вполне согласенъ съ объясненіемъ И. П. причинъ существованія у насъ политическаго террора. Хотя авторъ и не высказывается опредѣленно относительно роли и значенія этого средства въ борьбѣ съ русскимъ абсолютизмомъ, но, безъ сомнѣнія, онъ не фанатическій приверженецъ его, какъ это видно изъ его замѣчаній: „Если бы общество активно и энергично вступило за свои права, терроризмъ группы революціонеровъ не имѣлъ бы смысла и исчезъ бы самъ собою“. Такимъ образомъ, *raison d'être* политическаго террора вытекаетъ, по его мнѣнію, изъ пассивности массы общества по отношенію къ правительственному произволу. И это совершенно справедливо. Когда кругомъ все холопствуетъ, то немногимъ, наиболѣе героическимъ натурамъ приходится взять на себя тяжелую задачу Прометея завоевать свободу для всѣхъ. И чѣмъ малочислѣннѣе контингентъ такихъ борцовъ, тѣмъ интенсивнѣе они должны напрягать свои силы, тѣмъ страшнѣе должны быть ихъ орудія борьбы, чтобы интенсивностью ударовъ вознаградить недостатокъ средствъ въ количественномъ отношеніи. Мало того, дѣйствуя на свой рискъ, *одни* жертвуя своею жизнью въ борьбѣ съ противообщественными силами страны, такіе борцы имѣютъ право не руководствоваться мнѣніями бездѣятельнаго, эгоистическаго большинства чужацелей, а въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, когда какой нибудь начальникъ города Глупова смилуется наконецъ надъ своими подданными и пожалуетъ имъ конституцію для истребленія „крамолы“. Пусть общество, въ лицѣ земствъ, городскихъ, судебныхъ, университетскихъ и т. п. учреждений, объявитъ серьезную и систематическую войну абсолютизму, тогда оно будетъ вправѣ требовать отъ „неполнотнаго комитета“ прекращенія самовластной расправы съ коронованными властителями страны, именуемой російскою имперіей. Впрочемъ, тогда и самъ „исполнит. ком.“ оставитъ систему террора, практикуемую имъ далеко не съ

такимъ легкимъ сердцемъ, какъ это многими кажется *).

Но за этими пунктами начинается мое разногласіе съ И. П. По его мнѣнію, единственною цѣлью революціоннаго движенья въ Россіи въ настоящій моментъ должно быть достиженіе конституціонныхъ гарантій. А такъ какъ послѣднія составляютъ настоятельную потребность всего русскаго общества, то, стало быть, всѣ оппозиціонныя элементы должны объединиться въ одно цѣлое съ революционными во имя борьбы противъ абсолютизма. Далѣе, въ виду того, что рабочія массы не могутъ вдохновляться исключительно политическими требованіями, да еще въ рамкахъ либеральнаго парламентаризма, — необходимо на время оставить *народно-революционную* дѣятельность и заняться организаціей исключительно „интеллигенціи“. Автору, однако, не хочется попасть въ противорѣчіе съ „основной заповѣдью социалистическаго катехизиса“: „все для народа и посредствомъ народа“. Поэтому онъ даетъ этой формулѣ такое толкованіе: „*Все для націи и всякое дѣло посредствомъ части этой націи, наиболее заинтересованной въ этомъ дѣлѣ*“.

Въ своей реакціи противъ прежняго, безусловно отрицательнаго, отношенія къ политическимъ реформамъ независимо отъ экономическихъ, авторъ впадаетъ въ другую крайность, а именно, находитъ цѣлесообразнымъ и даже необходимымъ, чтобы революціонное движенье на время исключительно сконцентрировалось на борьбѣ за конституціонныя требованія. И не стану, однако, теперь полемизировать съ авторомъ по этому вопросу. Наоборотъ, согласимся на время, съ нимъ въ этомъ пунктѣ. Необходимо только не упускать изъ виду, что подъ конституціонными гарантіями онъ подразумеваетъ такія учрежденія, которыя обезпечивали бы за рабочими массами, паравъ съ имущественными, право или юридическую возможность группировать свои силы для отстаиванія своихъ классовыхъ интересовъ путемъ сходовъ, союзовъ, прессы и представительства въ законодательныхъ, административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ страны. Въ противномъ случаѣ, сосредоточеніе революціонной борьбы на завоеваніи политической свободы не имѣло бы смысла и съ точки зрѣнія автора, такъ

*) Нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ и М. П. Драгоманова, пріятно поразило заявленіе „исполнит. комит.“ по поводу убійства Гарина-Мельника. Меня лично, какъ и всякаго, слѣдившаго безъ предубѣжденія за изданіями „Н. В.“ и заявленіями „террористовъ“ на процессахъ, заявленіе „исп. ком.“ нисколько не удивило, такъ какъ отношеніе его къ политическимъ убійствамъ давно установилось.

И. А. Въ статьѣ г. Драгоманова не видно, чтобы публичное заявленіе поразило его; тамъ сказано только: «намъ пріятно было прочесть» и проч. Поразило это заявленіе, хотя и въ другомъ смыслѣ и при томъ вовсе не пріятно, должно было только тѣхъ, кто „изъ прекраснаго далека“ проповѣдывалъ политическія убійства, какъ нормальный и повсемѣстный принципъ, и тѣмъ оказывали мелкую услугу, между прочимъ, и самимъ террористамъ теперь далеко не прекрасной Россіи.

какъ мотивомъ этого предложенія является у него ничто иное, какъ именно то обстоятельство, что „разъ свобода пропаганды будетъ гарантирована, временная цѣль партіи будетъ достигнута, и она опять возьмется за свое прежнее дѣло, — пропаганду социалистическихъ идей въ рабочемъ сословіи“.

Итакъ, если такова цѣль временнаго сосредоточенія революціонной борьбы въ Россіи на исключительно политическихъ требованіяхъ, то самъ собою возникаетъ вопросъ: всегда ли и при всякихъ условіяхъ борьбы съ абсолютизмомъ въ результатѣ получается политическое равенство, а стало быть, и юридическая свобода рабочихъ массъ составляетъ коалицію, представителей ихъ вести пропаганду въ пользу учений, благопріятныхъ полной социальнo-экономической эмансипаціи этихъ массъ? Не зависить ли, напр., результатъ борьбы за политическую свободу въ громадной степени отъ того, какаю роль выпадаетъ въ этой борьбѣ на долю именно рабочихъ массъ. Для автора этого вопроса, повидимому, не существуетъ, какъ это видно изъ его предложенія оставить въ теченіи періода конституціонной борьбы рабочую массу въ сторонѣ и организовать только „интеллигенцію“. Я, съ своей стороны, считаю вопросъ о степени и характерѣ участія рабочихъ массъ въ борьбѣ за „конституціонныя гарантіи“ чрезвычайно существеннымъ съ точки зрѣнія ея результатовъ для политическаго положенія нашихъ классовъ послѣ побѣды надъ абсолютизмомъ. И въ этомъ отношеніи я схожусь не только съ фракціей „Н. В.“, но и „Н. В.“, тенденціею которой въ этомъ пунктѣ видны изъ прокламацій и листовъ „исп. комитет.“ и изъ самой „Н. В.“, начиная съ № 3. Противоположная точка зрѣнія И. П. составляетъ центральный пунктъ его письма, и все его соображенія группируются такъ, чтобы доказать необходимость признанія ея революціонными группами руководящимъ принципомъ своей дѣятельности въ настоящее время. Поэтому и въ сосредоточеніи свое главное вниманіе на разсмотрѣніи вышеуказаннаго вопроса и точки зрѣнія автора въ немъ.

Вотъ отрывокъ изъ письма, касающійся вопроса объ элементахъ, на которые, по мнѣнію И. П., должна опереться теперь социальнo-революціонная борьба въ Россіи, и роли въ ней рабочихъ массъ.

„Если бы земства и города дружно подняли головы и возвысили голоса за попранные права Россіи, дѣло значительно подвинулось бы впередъ“. Но... „народовольцы гнѣшатъ противъ первой и основной заповѣди соц. катехизиса: „Все для народа и посредствомъ народа“, — говорятъ „народники“. Но что подразумѣвается подъ словомъ народъ?... Если всѣ нація, то, конечно, нечего и говорить, мысль верна, такъ какъ, понятно, все должно дѣлаться для блага всей націи. Но... если здѣсь говорится объ одномъ только рабочемъ сословіи, что все нужно дѣлать исключительно для него, если интересы рабочихъ отдѣляются отъ интересовъ интеллигенціи, то, право, такъ и начинается пах-

нуть аксаковскимъ мракобѣисмъ. Ибо, какъ не понять, что при настоящемъ устройствѣ общественной жизни, организаціи производства, все, что ни дѣлается для интеллигенціи, дѣлается и для народа... Теперь, что означаютъ слова: „посредствомъ народа“?... Я думаю, никому и въ голову не придетъ требовать, чтобы рабочій классъ, мало сознающій всю пользу свободы слова, былъ поставленъ ея стражемъ и даже требователемъ. Такимъ образомъ, фразу: „все для народа и посредствомъ народа“ необходимо выразить такъ: „Все для націи и всякое дѣло посредствомъ части этой націи, наиболѣе заинтересованной въ этомъ дѣлѣ.“ „Желая свободы и права для всей націи, она („Н. В.“) стремится опереться на интеллигентную часть націи, какъ на наиболѣе заинтересованную въ этомъ дѣлѣ“.

Замѣтимъ, прежде всего, что фракція „Н. В.“ только въ теченіи нѣкотораго времени и то не въ такой степени, какъ выражается авторъ, считала достаточнымъ опереться только на „интеллигентную часть націи“ (собственно, имперіи, въ которой не одна нація, а нѣсколько). Но скоро пришлось „Н. В.“ отказаться отъ этой мысли. Но очень понятнымъ причинамъ, я считаю несдобнымъ вѣдаться въ фактически указаніи на попытки вызвать въ средѣ нашихъ либераловъ сколько нибудь серьезную оппозиціонную организацію — видѣ предѣловъ легальности. Ограничусь только констатированіемъ того факта, что крайняя боязнь за свою персону, даже просто за свою комфортабельную обстановку, малодушное отступленіе передъ первымъ препятствіемъ, при первой несправедливости, постигшей какого нибудь общественнаго дѣятеля, или тревогѣ по поводу погрома, коснувагося исключительно социалистовъ, неспособность „зрѣлой“ интеллигенціи къ образованію въ своей средѣ какой нибудь тайной организаціи съ опредѣленнымъ планомъ агитаціи въ земскихъ и т. п. общественныхъ учрежденіяхъ; — все это проявилось (я говорю о концѣ 79 г. и первой половинѣ 80 г.) въ такой степени, что „Н. В.“ скоро разочаровалась въ своихъ расчетахъ опереться на одну „интеллигентную часть націи“, и, начиная съ № 3, въ рядѣ программъ, воззваній къ народу и призывовъ къ социалистической молодежи принятыя оныя за агитаціонно-организаторскую дѣятельность среди рабочихъ и крестьянства, все рѣзче и рѣзче констатировала необходимость привлеченія рабочихъ массъ къ революціонной борьбѣ теперь же, и даже немедленно. Нечего и говорить, что при всякой неудачѣ, постигавшей революціонныя попытки „Н. В.“, и между прочимъ при арестѣ ея типографіи, первымъ отступниками являлись сочувствователи изъ либераловъ, между тѣмъ какъ социалистическая молодежь послѣ каждаго удара правительства еще сильнѣе закалялась для борьбы и еще энергичнѣе выступала, не только въ лицѣ немногихъ, но и въ массѣ, на помощь борцамъ.

Но вернемся къ содержащимся въ цитированномъ отрывкѣ положеніямъ. По мнѣ-

нію автора, формула: „все для народа и посредствомъ народа“ можетъ быть признана руководящимъ принципомъ общественной дѣятельности только въ томъ случаѣ, если понимать ее въ смыслѣ: „Все для націи...“ Въ примѣненіи къ современному моменту русской жизни это означаетъ, что революціонное движеніе должно опереться не на рабочія массы, а на „интеллигенцію“, какъ на часть націи*), наиболѣе заинтересованную въ завоеваніи политической свободы. Всмотрѣмся же поближе въ реальное значеніе „интеллигенціи“, какъ силы, доминирующей, по мысли автора, стать исключительной опорой борьбы за „конституціонныя гарантіи“.

Интеллигенція, какъ совокупность въ разнѣ степени образованныхъ людей, является въ настоящее время истолковательницей интересовъ и стремленій населенія, руководящей его во всехъ сферахъ жизни. Составляя органическую часть націи, тѣснѣйшимъ образомъ связанная по своему воспитанію, привычкамъ, своимъ умственнымъ и матеріальнымъ интересамъ съ ея составными элементами, интеллигенція не можетъ не быть пропитана страстями и даже предразсудками, порождаемыми сословнымъ антагонизмомъ современнаго общественнаго строя. Даже философы и чистые теоретики примыкаютъ, въ общественныхъ вопросахъ, къ той или другой изъ общественныхъ группъ (классовъ, сословій), на которыя подраздѣляется теперь повсюду населеніе, и въ большинствѣ случаевъ являются даже очень усердными защитниками, въ сферѣ научной, интересовъ, близкихъ имъ по положенію или воспитанію общественнымъ элементамъ страны или націи. Смотри потому, чьи интересы и стремленія интеллигенція обобщаетъ, формулируетъ и защищаетъ въ наукѣ, прессѣ и общественныхъ учрежденіяхъ, интеллигенція является консервативно-монархической, либеральной, социалистической и т. д. Интеллигенція же, какъ совокупность идеальныхъ, проникнутыхъ исключительнo идеальными стремленіями, живущихъ воплѣтѣ въ классового антагонизма, въ дѣйствительности не существуетъ**). Если же общественное значеніе интеллигенціи обуславливается именно ролью ея, какъ представительницы и организатора разныхъ слоевъ населенія въ виду защиты ихъ интересовъ, если сама интеллигенція, соотвѣтственно антагонистическому составу послѣдняго, состоитъ изъ разноколиберныхъ элементовъ, то она сама по себѣ, видѣ остальной массы гражданъ, то бывъ, подданныхъ, не можетъ послужить опорой революціоннаго движенія противъ абсолютизма. Разсматривать

*) По отношенію къ современнымъ государствамъ вообще, а тѣмъ болѣе къ Россіи, терминъ этотъ совершенно непригоденъ, но я буду употреблять его въ виду того, что авторъ употребляетъ его.

**) Это особенно проявляется въ критическіе моменты общественной жизни, напр., во время революцій, когда наиболѣе абстрактные и, повидимому, безпристрастные мыслители вдругъ превращаются въ отчаянные реакціонеры или, наоборотъ, въ страстныхъ защитниковъ народа.

интеллигенцію, какъ опору этого движенія, можно только въ томъ смыслѣ, чтобы, при ея помощи, привлечь на его сторону ту массу населенія, въ которой она пользуется наибольшимъ влияніемъ. Въ противномъ случаѣ, она по своей малочисленности, даже если соединить всѣ ея отгѣнки, просто безсилна сослужить ту службу въ борьбѣ за конституціонныя гарантіи, которую отъ нея требуетъ И. П. Вотъ тутъ то и является крайне важный вопросъ: въ какой части населенія наша интеллигенція можетъ имѣть или уже имѣетъ наибольшее влияние? Или, иначе говоря: какіе классы могутъ быть при ея посредствѣ привлечены къ активному участию въ борьбѣ съ абсолютизмомъ? Категорически авторъ не ставитъ этого вопроса; да онъ и самаго вопроса объ отношеніи интеллигенціи къ массѣ не коснулся. Тѣмъ не менѣе, въ его письмѣ содержится отвѣтъ на поставленный мною вопросъ. Рабочіе классы, по необразованности своей, не могутъ понять пользы свободы слова и т. д.; ихъ поэтому приходится оставить въ арены борьбы съ абсолютизмомъ. Остаются, стало быть, привилегированные классы. Авторъ не говоритъ этого прямо, но они фигурируютъ у него подъ другими названіями. „Если бы земства и города дружно подняли свои головы“..., заявляетъ онъ. „Если бы все общество дружно и энергично вступило за свои права“..., и т. д. Но что такое наши земскія и городскія учрежденія? Это — представительныя собранія привилегированныхъ въ имущественномъ или профессиональномъ отношеніи классовъ. Изъ кого эти собранія преимущественно состоятъ? Изъ культурныхъ по своей материальной обстановкѣ и по образу жизни элементовъ, добрая половина которыхъ такъ же заслуживаетъ названіе „интеллигенціи“, какъ сама толпа Разуваевыхъ, Колупаевыхъ, Поляковыхъ, Губонинныхъ и т. д., которыхъ представителями они являются *). Наконецъ, общество въ цѣломъ составѣ представляетъ собою опять таки ничто иное, какъ массу спортучниковъ и франшизовъ, т. е., тотъ элементъ привилегированныхъ классовъ, который одѣвается, ѣстъ, пьетъ, устраиваетъ себѣ удовольствія, на манеръ цивилизованныхъ европейцевъ. Эта часть націи и составляетъ, такъ называемый, культурный слой „русскаго народа“. Интеллигенція, въ смыслѣ совокупности дѣйствительно образованныхъ людей, является небольшимъ меньшинствомъ „общества“, и изъ этой интеллигенціи наибольшимъ влияніемъ пользуются въ культурной средѣ разнородныхъ Разуваевыхъ, крупныхъ и малыхъ Бобринскихъ, Горвицевъ, коммерческихъ и иныхъ дѣльцевъ, — духов-

*) Конечно, въ нашихъ представительныхъ учрежденіяхъ, какъ и въ прессѣ, есть контингентъ честныхъ и дѣйствительно интеллигентныхъ демократовъ, изображающихъ собою нашу „extrême gauche“. Но, не имѣя твердой опоры въ низшихъ классахъ и находясь, по самому характеру своихъ стремленій, въ антагонизмъ съ привилегированной толпой, они пока играютъ роль безсочленнаго элементарнаго звена.

по родственные имъ Суворины, Аксаковы, Катковы и пожалуй еще „Голосъ“ Краевского.

Такимъ образомъ, предложеніе автора привлечь къ революціонному движенію во имя политической свободы одну только „интеллигентную часть націи“, при внимательномъ разсмотрѣніи сводится къ тому, чтобы опереться революціонной борьбѣ исключительно на высшіе и средніе классы, отчасти при посредствѣ ихъ, оффициально признанныхъ, руководителей въ земскихъ, городскихъ и дворянскихъ собраніяхъ, отчасти при посредствѣ всей массы внѣшне облагороженныхъ культурной обстановкой жизни.

Спрашивается теперь: можно ли рассчитывать, чтобы конституціонныя гарантіи, завоеванныя помимо активного содѣйствія низшихъ классовъ, обеспечивали за послѣдними одинаковыя съ высшими классами политическія права? (Мы говоримъ исключительно объ юридическихъ гарантіяхъ и соответствующихъ имъ общественныхъ учрежденіяхъ, оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ о безчисленныхъ нарушеніяхъ политическихъ правъ рабочихъ, вслѣдствіе отсутствія экономической обезпеченности большинства народа). Намъ стоитъ только припомнить, какъ были завоеваны конституціонныя гарантіи рабочихъ классовъ въ другихъ странахъ, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ.

Въ Англіи, при полной политической свободѣ высшихъ классовъ, рабочіе лишены были всякихъ „конституціонныхъ гарантій“ вплоть до 1824 г. Полторасти лѣтъ спустя послѣ низверженія абсолютизма, англійскихъ рабочихъ массами сажали въ тюрьму, осуждали на пожизненную каторгу и вѣшали за всякую попытку путемъ сговора, а тѣмъ болѣе стачки, добиться отъ хозяевъ увеличенія своей платы или прекращенія особенно нестерпимыхъ злоупотребленій. Конституціонный режимъ либеральной буржуазіи заставилъ рабочихъ прибѣгнуть къ тайной организаціи „союзовъ сопротивленія“ и за принадлежность къ нимъ наказывалъ рабочихъ съ такою жестокостью, что вызвалъ съ ихъ стороны, въ отвѣтъ на правительственный терроръ, терроръ „союзовъ сопротивленія“. Въ теченіи послѣдняго десятилѣтія первой четверти 19 вѣка въ Англіи ежегодно десять, двадцать и болѣе рабочихъ осуждались на висѣлицу по обвиненію въ принадлежности къ тайнымъ союзамъ или за участіе въ стачкѣ; тысячами они погибали въ тюрьмахъ, на каторгѣ и т. д. И вотъ, только когда борьба тайныхъ рабочихъ обществъ противъ правительственной и хозяйской жестокости достигла такой интенсивности и такихъ размѣровъ, что навела страхъ на высшіе классы, когда подъ *вліяніемъ этой организованной борьбы рабочихъ классовъ* поднялся голосъ въ ихъ пользу и изъ рядовъ болѣе благоразумныхъ и честныхъ представителей буржуазіи*), только тогда, наконецъ, пролетаріа-

*) Не буржуазія, а джентри ратовала въ Англіи за политическія права рабочихъ. Ред.

ту предоставлена была свобода сходовъ и ассоціацій. Но пужно было еще полвѣка энергическихъ усилій со стороны послѣдняго, чтобы его ремесленные организаціи признаны были „юридическими лицами“, т. е., гарантированными со стороны законодательства отъ расхищенія своихъ фондовъ какимъ нибудь безчестнымъ кассиромъ и т. п.

Такимъ образомъ, въ Англіи рабочій классъ добился нѣкоторыхъ „конституціонныхъ гарантій“ только послѣ отчаянныхъ усилій и безчисленныхъ жертвъ въ борьбѣ съ либеральнымъ режимомъ, низвергнувшимъ абсолютную монархію уже въ 17 столѣтіи. Только послѣ того, какъ рабочіе классы сами сдѣлались „стражемъ и даже требователемъ“ политической свободы, они добились ее въ нѣкоторой степени. Говорю — въ *нѣкоторой*, потому что англійскій пролетаріатъ и до сихъ поръ, цензовыми и т. п. условіями, почти устраненъ отъ представительства въ парламентѣ и муниципалитетахъ и совершенно лишенъ возможности участвовать въ избирательныхъ судебныхъ органахъ страны.

Во Франціи нужны были революціи 30, 48 и 71 гг., чтобы рабочіе добились сравнительно широкой политической свободы. Не прошло еще года, какъ отмененъ взносъ залога для ежедневныхъ изданій. Что касается до Австріи и Италіи, то пролетаріатъ не только лишенъ тамъ всеобщаго избирательнаго права, но и самая свобода сходовъ, ассоціацій, прессы такъ ограничена, что ему приходится прибѣгать къ тайной пропагандѣ и тайному распространенію листовъ и прокламацій. Легальные же изданія постоянно конфискуются и въ Австріи, напримѣръ, изъ 10 номеровъ какой нибудь рабочей газеты, по крайней мѣрѣ, 6—7 являются въ свѣтъ на половину съ бѣлыми столбцами. Къ этому присоедините еще крупные залоги для ежедневныхъ (кажется, даже и для ежедневныхъ изданій) газетъ и вы получите представленіе о „свободѣ пропаганды“ эмансипаціонныхъ идей въ Австріи. Но и этою, въ буквальномъ смыслѣ слова, тѣпью свободы рабочіе Австріи и Италіи пользуются именно потому, что они не мало жизней потеряли (хотя и въ качествѣ пушечнаго мяса) въ періодъ борьбы съ абсолютизмомъ и за національное объединеніе (въ Италіи). Это обстоятельство не могло не повліять хотя бы въ нѣкоторой степени на составленіе конституціи этихъ странъ. Принимая же во вниманіе, что рабочіе не могли не сохранить традиціи своего активнаго участія въ борьбѣ съ абсолютизмомъ (принесши гораздо больше жертвъ, чѣмъ имущественные классы), современные буржуазные законодатели, конечно, не могутъ рискнуть окончательно объявить пролетаріатъ политически безправнымъ.

Относительно Германіи напомнимъ въ двухъ словахъ, что и тамъ общее избирательное право и другія политическія права рабочихъ (бывшія) добыты не либеральной буржуазіей, а наперекоръ ей, опять таки революціонной борьбой 48 — 49 гг. (въ кото-

рой, по обыкновению, на баррикадах и на открытом полѣ больше всего они проливали свою кровь) и агитаціей, начатой въ 63 г. Лассалемъ, да еще уступчивостью Бисмарка въ виду того, чтобы привлечь низшіе классы на свою сторону въ дѣлѣ „объединенія Германіи“. Характерно, что и въ Берлинѣ, и въ другихъ промышленныхъ центрахъ, гдѣ либералы господствуютъ въ муниципальныхъ учрежденіяхъ, рабочіе до сихъ поръ лишены представительства въ нихъ, благодаря цензовымъ условіямъ.

Если же мы обратимся къ странамъ, въ родѣ Румыніи, гдѣ „конституціонныя гарантіи“ заполучены одними усиліями высшихъ классовъ, да дипломатическими вліяніями, то мы увидимъ тамъ народъ почти столь же политически безправнымъ, какъ въ деспотической Россіи. А лишь только появившес среди интеллигенціи стремленія воспользоваться конституціей въ интересахъ народа, тотчасъ „города“, въ лицѣ муниципалитетовъ, заговорили о необходимости преслѣдованій и ограниченія свободы сходовъ и т. д. Правовое же положеніе народа характеризуется въ Румыніи тѣмъ, что законы о прислугѣ по варварству своему не уступаютъ средневѣковымъ законамъ Англіи.

Мы видимъ, стало быть, что наиболѣе серьезными политическими гарантіями рабочія массы пользуются тамъ, гдѣ сами долго и многократно боролись великими средствами за свои политическія права. Страна, въ которой онѣ пользуются наибольшей политической равноправностью, — Швейцарія, гдѣ онѣ вотъ уже 50 лѣтъ не прекращаютъ быть „стражемъ и даже требователями“ политическихъ свободъ. Въ Австріи же и Италіи, того и гляди, народу придется скоро еще разъ выступить на баррикады, чтобы добиться хотя бы той свободы, при которой есть какалъ нибудь возможность отстаивать свои интересы путемъ коалицій и пропаганды, устной и печатной.

Такимъ образомъ, опытъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ опровергаетъ положеніе И. П., что „все, что ни дѣлается для интеллигенціи“, *eo ipso*, дѣлается и для рабочихъ массъ. Это, впрочемъ, очевидно и *a priori*. Каждая страна, каждая нація подраздѣляется на два главныхъ класса, интересы которыхъ кореннымъ образомъ расходятся. Эксплуататоры и эксплуатируемые — вотъ термины, достаточно рельефно характеризующіе глубокий антагонизмъ, раздѣляющій каждую націю на два враждебныхъ лагеря. Развѣ можетъ существовать въ такомъ общественномъ строѣ интеллигенція на столько вибесловна, чуждая пронеходящей въ немъ борьбы за существованіе между разными элементами, чтобы *все, что ни дѣлается для нея* (интеллигенціи), дѣлалось непременно и для всей націи — безразлично. Если можно примѣнить послѣднее выраженіе автора, то развѣ въ томъ смыслѣ, что „все, что ни дѣлается для интеллигенціи“, дѣлается, *eo ipso*, и для *того класса*, съ которымъ она органически связала воспитаніемъ и матеріальными условіями существованія. Но

такъ какъ громадное большинство интеллигентныхъ силъ не только въ Россіи, но и на Западѣ *), тѣломъ и душой связано съ привилегированными классами, то всѣ умственные, промышленныя и социальнополитическія завоеванія, совершавшіяся подъ руководствомъ или по инициативѣ первыхъ, прежде всего шли непосредственно на пользу этихъ классовъ. Конечно, прогрессъ производительныхъ силъ, знаній и политическихъ учреждений до извѣстной степени служитъ общему подъему культуры всего населенія въ странѣ. Но это уже крохи или остатки съ обильнаго стола богатаго барина, выпадающіе на долю прислуги. Дѣйствительное же, *человѣческое* участіе въ хозяйской нищѣ и комфорта прислугѣ достается только въ томъ случаѣ, когда она *предъявляетъ* на это свои *права*, въ силу сознанія ею своей роли, какъ главной изготовительницы этихъ благъ. „Своя рубашка ближе къ тѣлу“; — эта мудрая поговорка примѣняется во всевозможныхъ формахъ съ неутомимой логикой въ обществѣ, основанномъ на антагонизмѣ матеріальныхъ интересовъ. И было бы противостоественно, чтобы „образованная“ *масса* націи или, по просту, руководящіе элементы *эксплуатирующихъ классовъ*, по собственному почину, помимо всякихъ вышнелительныхъ заявленій со стороны *эксплуатируемыхъ, отпреклась* отъ этого лозунга антагонистическаго общества именно въ сферѣ политической, представивъ послѣднимъ средства борьбы противъ эксплуатации, — этого жизненнаго источника пмущественныхъ классовъ.

Констатированіе этого факта, красной, кровавой нитью проходящаго черезъ всю исторію челоѣчества, обоснованіе его и примѣненіе къ дѣлу эмансипаціи низшихъ классовъ составляетъ великую заслугу Маркса, Энгельса, Лассалля и возникшей въ 60-хъ годахъ международной ассоціаціи рабочихъ. „Все для рабочихъ массъ и посредствомъ рабочихъ массъ“, — таковъ руководящій принципъ общественной дѣятельности на пользу народа, логически вытекающій изъ констатированнаго современной наукой антагонизма матеріальныхъ интересовъ во всѣхъ существующихъ и существовавшихъ челоѣческихъ обществахъ. Лозунгъ: „все для націи“, даже съ прибавкой: „посредствомъ заинтересованной въ этомъ дѣлѣ націи“, при всей своей вибшней идеальности, оказывался до сихъ поръ на дѣлѣ прекраснымъ орудіемъ въ рукахъ привилегированныхъ классовъ или ихъ руководителей улекать рабочія массы на дѣло загребанія жара своими руками на пользу первыхъ. Среди волковъ жить, по волчьимъ и выть. Тамъ, гдѣ классъ капиталистовъ ввозомъ „дешевыхъ рукъ“ изъ Китая или изъ Италіи, или еще менѣе культурныхъ странъ обрекаетъ на голодную смерть своихъ согражданъ, гдѣ ради обогащенія немногихъ готовы лишитъ остальную часть „націи“ всякаго участія въ культурныхъ завоеваніяхъ современной эпохи, — не можетъ быть и рѣчи о примѣненіи

*) На Западѣ рабочий классъ уже выдвинулъ самостоятельно изъ своей среды интеллигентный слой, являющійся его руководителемъ.

принципа: „все для націи и всякое дѣло посредствомъ части націи, заинтересованной въ этомъ дѣлѣ“. Какъ это ни грубо материалистично на первый взглядъ, а все таки, до тѣхъ поръ, пока будетъ господствовать современный антагонизмъ изъ за матеріальныхъ интересовъ, приверженцамъ народа необходимо всѣми силами бороться противъ иллюзіи „національной солидарности“ и во всѣхъ общественныхъ вопросахъ, не исключая и вопроса о политическихъ формахъ, неуклонно руководствоваться мыслію о существующемъ антагонизмѣ общественныхъ классовъ.

И. П. полагаетъ, что это „пахнетъ аксаковскимъ мракобѣіемъ“, упустивъ изъ виду, что „народъ“ Аксакова — это московскіе мясники, ястребы — хищники, въ чуйкахъ, сермягахъ, да пожалуй, и въ сюртукахъ, если только они вѣруютъ въ царя, православіе и о конституціи не мечтаютъ. Совсѣмъ иной смыслъ получаетъ формула: „все для народа и посредствомъ народа“ (рабочихъ массъ) въ устахъ социалстовъ, для которыхъ, во 1), рабочий вопросъ связывается съ цѣлымъ цивилизаціоннымъ переворотомъ, а во 2), религіозныя суевѣрія народа, національныя предрассудки и т. п. наслѣдія эпохи варварства и многовѣковаго рабства ничуть не разсматриваются, какъ особенности народной жизни, на которыхъ можно или даже слѣдуетъ построить эмансипаціонное движеніе рабочихъ массъ *).

При такомъ взглядѣ на рабочий вопросъ формула: „все для народа и посредствомъ народа“ на дѣлѣ сводится, *eo ipso*, къ работѣ и на пользу всей „націи“, потому что она означаетъ установленіе равенства условій для всего населенія страны относительно матеріальнаго благосостоянія, политической свободы и интеллектуальнаго развитія. А такъ какъ никто, кромѣ рабочихъ массъ, да ничтожнаго числа идеологовъ, не можетъ быть страстно заинтересованъ въ установленіи такого равенства, то онѣ и должны составлять главную опору и активный элементъ всякаго общественнаго движенія, имѣетъ ли оно ближайшее цѣлью политическія измѣненія или экономическія.

Нѣкоторые изъ русскихъ революціонеровъ склонны ставить „русскую интеллигенцію“ на особомъ положеніи. Она чуть не поголовно проникнута социалистическими воззрѣніями; стоитъ только избавиться отъ оковъ абсолютизма, высказываютъ нѣкоторые, и она почти вся станетъ на сторону народа, не отступитъ передъ самыми радикальными реформами и т. д. Положеніи интернаціонала, выработанныя „на Западѣ“, не имѣютъ поэтому для насъ такого практическаго значенія.

Не отрицая того факта, что наша интеллигенція (т. е., *дѣйствительно образованный* слой общества) въ гораздо большей степени, чѣмъ буржуазная интеллигенція

*) Среди русскихъ революціонеровъ попадались одно время единичныя личности, которые не прочь были примириться и съ „народнымъ царемъ“ — во имя „народничества“. Но эта отрыжка славянофильской чепухи улетучилась, кажется, совершенно въ нашихъ рядахъ.

Запада, демократична, не мѣшаетъ, однако, обратить вниманіе на два обстоятельства: во 1), искренне демократичная интеллигенція составляетъ все таки меньшинство въ общемъ составѣ образованной части нашего общества, а во 2), аналогичное явление мы встрѣчаемъ и въ исторіи другихъ странъ, въ эпохи борьбы съ абсолютизмомъ. Но большинство этой „демократической интеллигенціи“, обыкновенно въ слѣдъ за первымъ пораженіемъ своего врага, измѣнило народу и становилось въ ряды того класса, съ которымъ оно по положенію и по личнымъ интересамъ тѣснѣ всего связано. Немногіе же, глубоко преданные низшимъ классамъ, представители интеллигенціи оставались одинокими посреди всеобщаго хора ликованій новыхъ властителей страны или шли на баррикады умирать вмѣстѣ съ обманутымъ въ свихъ надеждахъ на новый режимъ народомъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, въ рядахъ русской интеллигенціи не мало честныхъ и глубоко преданныхъ народнымъ интересамъ людей. Помимо революціонныхъ группъ, у насъ, особенно въ прессѣ, есть люди, справедливо пользующіеся глубокой симпатіей и уваженіемъ въ рядахъ социалистической молодежи. Но какую силу изобразятъ они собою въ моментъ заполученія въ Россіи конституціонныхъ гарантій, если слѣдуя совѣту И. П., рабочія массы не будутъ играть никакой роли въ борьбѣ за эту конституцію? Народъ не организованъ не только въ массѣ, но и въ лицѣ наиболее активныхъ элементовъ. Народное сознаніе не затронуто доконституціонной революціонной борьбой, мысль народа не подготовлена хоть въ нѣкоторой степени къ совершающемуся политическому перевороту, — словомъ, тотъ общественный элементъ, который представляетъ собою естественную опору истинно демократической интеллигенціи, окажется стоящимъ гдѣ то вдали, на заднемъ фонѣ, безъ всякаго сознанія своего значенія и въ полномъ невѣдѣніи относительно усилій на его пользу истинныхъ его друзей. Последніе логикой событій обречены будутъ на роль безсильныхъ идеалистовъ, пророковъ въ пустынь.

За то, съ другой стороны, толпа всевозможныхъ хищниковъ и дѣльцевъ, — въ чужихъ и сюртукахъ, — „культурныхъ“ и некультурныхъ, — быстро сьорганизуется и образуетъ крѣпкій оплотъ для *своей* интеллигенціи. Суворины, Марковы, Озмидовы, Молчановы, Новосельскіе, Рененкампы... выплывутъ на поверхность политической и общественной жизни, въ качествѣ естественныхъ трибуновъ и вождей „разуваевского“ класса. Перспектива эта представляется для меня до такой степени неизбежной, въ случаѣ полного игнорирования народа въ теперешній моментъ, что, если бы не осталось иного выбора, кромѣ политической бездѣтельности или сосредоточенія революціоннаго движенія *исключительно* въ сферѣ привилегированныхъ классовъ, то социалистическіе элементы должны бы, по моему, выбрать первую.

Но въ такомъ случаѣ, скажетъ И. П., ре-

волюціонныя группы дѣйствительно обречены на бездѣтельность, потому что при своей необразованности народъ политическими требованіями не можетъ заинтересоваться, а пропаганда радикальнаго экономического преобразования немислима при отсутствіи свободы слова и т. д. Я глубоко убежденъ, что авторъ ошибается въ томъ и другомъ.

Прежде всего, посмотримъ, на сколько оправдывается русское жизненное взгляды И. П. на индифферентизмъ рабочихъ массъ къ политическимъ реформамъ. Въ Россіи не меньше 15 милл. населенія преслѣдуются за вѣру и терпятъ всевозможныя формы полицейскаго и бюрократическо-поповскаго гнета. Далѣе, остальная масса крестьянства страдаетъ отъ невыносимыхъ поборовъ духовенства и въ такой же, а то и еще большей, степени отъ полицейскаго произвола — исправниковъ, становыхъ, урядниковъ и т. д. Развѣ въ этомъ положеніи народа, иллюстрируемомъ изо дня въ день безчисленными и разнохарактерными фактами, нѣтъ твердой точки опоры для агитаціи среди крестьянъ и вообще низшихъ классовъ въ пользу свободы совѣсти, примѣненія принципа избранія и смѣняемости населеніемъ членовъ администраціи, суда и служителей церкви? А непамять народа и страхъ передъ солдатчиной, раззореніе крестьянскаго хозяйства вслѣдствіе крайне тягостныхъ налоговъ и повинностей, — праявительственные и земскихъ, — развѣ эти явленія въ народной жизни не способны страстно заинтересовать массу въ требованіи предоставить ей непосредственное вліяніе, путемъ обсужденія и голосованія, на установленіе и сборъ налоговъ и на организацию военныхъ силъ, — замѣною, напирѣмъ, постоянного войска системой всеобщаго вооруженія и обученія военному дѣлу, не отрываясь отъ домашняго очага. Далѣе, усердное и систематическое преслѣдованіе автономныхъ учреждений и традицій всего кочества, очень и очень недовольнаго этимъ обстоятельствомъ, насильственная русификація разныхъ національностей запрещеніемъ употреблять родной языкъ въ школахъ и т. п. полицейскими вторженіями въ жизнь мѣстнаго населенія, — все это, вмѣстѣ взятое, представляетъ весьма осязательныя зацѣпки для агитаціи во имя областной, общинной и индивидуальной свободы и права сосѣднихъ областей самостоятельно федерироваться для удовлетворенія ихъ общихъ и мѣстныхъ потребностей. Наконецъ, право составленія коалицій для отстаиванія своихъ интересовъ настолько конкретно и непосредственно связано съ матеріальнымъ положеніемъ промышленныхъ рабочихъ, что, безъ всякаго сомнѣнія, значительная часть ихъ гораздо страстнѣе отнеслась бы къ агитаціи въ этомъ направленіи, чѣмъ масса нашихъ „культурныхъ“ земцевъ относится къ вопросу о политической свободѣ.

Такимъ образомъ, въ нашей народной, т. е., мужицко-рабочей средѣ, оказывается не мало очень осязательныхъ исходныхъ пунктовъ и для агитаціи въ пользу политичес-

кихъ реформъ, и, замѣтите, гораздо болѣе радикальныхъ, чѣмъ способны требовать или, вѣрнѣе, вымалывать наши земства и города. Необходимо только знать спеціально наиболѣе яркія и гнетущія формы правительственныхъ насилій въ каждомъ районѣ и умѣть находить соотвѣтствующую, всѣмъ понятную, исходную формулу для агитаціи, — и я убежденъ, что рабочія массы окажутся и у насъ гораздо болѣе серьезнымъ „стражемъ и даже требователемъ“ свободы слова и т. д., чѣмъ наше общество, т. е., окрашенный лоскомъ европейской культуры слой нашей демократической буржуазіи.

Однако, можетъ замѣтить И. П. по поводу послѣдняго моего заключенія, нигдѣ народныя массы не возставали противъ абсолютизма исключительно во имя политическихъ реформъ. Повсюду главнымъ импульсомъ массовыхъ движеній являлись социальное экономическія требованія. Крайне невѣроятно, чтобы пменно въ Россіи массы страстно взволновались подѣ вліяніемъ исключительно политическихъ импульсовъ. Выступить же съ пропагандой коренныхъ экономическихъ требованій невозможно теперь, потому что „какимъ образомъ могутъ народники надѣяться на успѣхъ этой тайной пропаганды“, если въ западной Европѣ обширная пропаганда при свободѣ слова... едва, съ трудомъ, завоевываетъ вниманіе рабочихъ“.

Указаніе на послѣднее обстоятельство кажется И. П. несомнѣннымъ доказательствомъ полной безуспѣшности социалистической пропаганды въ средѣ нашихъ рабочихъ классовъ. Замѣчу прежде всего, что онъ, подѣ вліяніемъ одностороннихъ наблюденій одного момента въ социалистическомъ движеніи Запада, невѣрно оцѣнилъ дѣйствительные его размѣры и вліяніе на массу рабочихъ. Рабочее движеніе въ Германіи, Франціи и Испаніи имѣетъ массовой характеръ и въ основѣ своей, даже въ лицѣ умѣренныхъ организацій, носитъ принципиально социалистическій характеръ. Даже въ Бельгіи и Голландіи къ социалистамъ примыкаютъ десятки тысячъ рабочихъ, хотя не всѣ они въ одинаковой степени сознательно относятся къ *принципамъ* социализма. Въ Англіи же болѣе 1/2 милліона рабочихъ организованы въ „союзы сопротивленія“, *классовой* характеръ которыхъ проявляется въ періодическихъ стачкахъ. Авторъ, очевидно, принялъ за слабость то затишье и вялость въ рабочемъ движеніи, которыя наступаютъ въ одной, а то и въ нѣсколькихъ странахъ — или послѣ такихъ кровавыхъ подавленій пролетаріата, какъ въ 71 г. во Франціи и 73 г. въ Испаніи, или въ періодъ сильнаго экономическаго кризиса, или послѣ очень крупныхъ стачекъ, въ случаѣ неудачи. Наконецъ, если рабочее движеніе на Западѣ не приняло еще размѣровъ національныхъ движеній, то это объясняется двумя обстоятельствами: во 1) существованіемъ еще въ большинствѣ государствъ весьма многочисленнаго класса, хотя и номинально, но все таки самостоятельныхъ мелкихъ собственниковъ и производителей-крестьянъ, ремесленниковъ, мел-

кихъ торговцевъ и т. п., — во 2) тѣмъ, что рабочія массы, потерявшія въ теченіи многихъ вѣковъ феодальнаго и буржуазнаго господства всякое представленіе объ общности въ организаціи производства и распределеніи и затѣмъ нѣсколько десятковъ лѣтъ боровшіяся подъ *руководствомъ* буржуазныхъ партій за конституцію, республику, націон. объединеніе..., сами заражены тенденціями и доктринами буржуазныхъ теоретиковъ и публицистовъ и съ трудомъ освобождаются изъ подъ ихъ вліянія. Въ то же время въ Ирландіи, гдѣ социально-экономическія условія развились до того, что ихъ измѣненіе сдѣлалось очевидной и сознаваемой большинствомъ населенія необходимостью, гдѣ, съ другой стороны, приверженцы *status quo* — лендлорды — рѣзко обособлены отъ низшихъ классовъ, — на нашихъ глазахъ возникло обширное народно-революціонное движеніе, объединившее даже протестантовъ и католиковъ.

Положеніе рабочихъ массъ въ Россіи въ двухъ очень существенныхъ пунктахъ аналогично ирландскому. И у насъ есть очень опредѣленное аграрное требованіе, только гораздо болѣе радикальное, чѣмъ въ Ирландіи, и страстно волнующее громадное большинство земледѣльческаго населенія. Наше крестьянство еще въ *большей степени*, чѣмъ ирландскіе фермеры, свободны отъ политическаго и интеллектуальнаго вліянія своихъ эксплуататоровъ. Это, конечно, не специально природная добродѣтель низшихъ классовъ въ Россіи, а результатъ историческихъ обстоятельствъ, и, если хотите, даже обуславливается культурной отсталостью страны. Но теперь этими особенностями можно воспользоваться для агитаціи среди крестьянства и рабочихъ во имя ихъ *классовыхъ* интересовъ — въ сферѣ *политической* и *экономической*. По тѣмъ же причинамъ, по которымъ авторъ считаетъ возможнымъ вести конституціонную агитацію въ „обществѣ“, на мой взглядъ, возможно вести и среди низшихъ классовъ въ сферѣ социально-экономической. „Когда въ обществѣ уже созрѣли извѣстные идеалы, извѣстныя требованія, когда они не реализуются только вслѣдствіе задерживающей силы извѣстной группы людей, тогда тайная борьба, тайный ударъ..., всѣмъ чувствуемый и всѣмъ одобряемый, нанеситъ чувствительное пораженіе этой группѣ“. Такова у насъ борьба съ деспотизмомъ.

Я рѣшительно не понимаю, почему бы ту же мѣрку не приложить и къ аграрному движенію среди крестьянъ. „Кто станетъ отрицать, говоритъ И. П., что наше общество достаточно чувствуетъ потребность въ обезпеченіи правъ личности... А кто станетъ отрицать, спросимъ мы, что крестьяне „достаточно чувствуютъ потребность“ въ увеличеніи своихъ надѣловъ, въ освобожденіи отъ чрезмѣрныхъ поборовъ, отъ постоянного насильственнаго вмѣшательства въ ихъ жизнь петербургско-московской бюрократіи при посредствѣ своихъ безчисленныхъ агентовъ? Странная вещь: когда дѣло касается вопроса о политической свободѣ, то И. П. удовлетворяется „тайнымъ

ударомъ“ и одной *агитаціей* въ пользу уже „созрѣвшихъ требованій“, нисколько не смущаясь трудностями *пропаганды* въ пользу идеи политической свободы въ болѣе широкомъ и радикальномъ смыслѣ, напимѣрь, федеративной *республики*, *полной* автономіи всѣхъ народовъ, входящихъ въ составъ имперіи. Онъ совершенно рационально считаетъ необходимымъ сосредоточить конституціонную агитацію среди „общества“ на такомъ требованіи, хотя и умѣренномъ, но которое уже созрѣло въ сознании большинства и которое, поэтому самому, удобнѣе всего можетъ служить *исходнымъ* пунктомъ массовой *агитаціи*. Но какъ только дѣло касается *народно-революціонной* дѣятельности, онъ сосредоточиваетъ все вниманіе на невозможности теперь вести „*пропаганду*“ социалистическихъ *идей* въ народѣ“, какъ будто у насъ нѣтъ социально-экономическаго требованія, на столько же „созрѣвшаго“ въ сознании рабочихъ массъ, какъ требованіе, представительнаго правленія въ обществѣ. Сознаніе послѣднимъ своего права на землю, увѣренность въ близкомъ осуществленіи этого права, — все это констатировано множествомъ изслѣдователей и наблюдателей народной жизни. Пропаганда *соціалистическаго міросозерцанія* — одно дѣло, *агитація* въ народѣ во имя очень *опредѣленнаго, конкретнаго* и *всѣмъ сознаваемаго* требованія передѣла земель — другое дѣло. И безъ сомнѣнія, „ударъ, неизвѣстно откуда и кѣмъ нанесенный, но всѣмъ чувствуемый и внутри всѣмъ одобряемый“, направленный на особенно жестокаго эксплуататора, въ родѣ Вобриискаго или усмирителя чигиринцевъ, Гессе, произвелъ бы *покрайней* мѣрѣ такую же агитацію среди рабочихъ массъ, какъ специально политическое убійство на наше „общество“, представители котораго осмѣливались только умолять о конституціи не иначе, какъ съ увѣреніемъ, что она необходима для истребленія „крамолы“. У насъ ежедневно совершаются безчисленныя насилія надъ народомъ со стороны правительственныхъ агентовъ и помѣщиковъ или хозяевъ промышленныхъ заведеній. И всѣ онѣ оставались до сихъ поръ безнаказанными.

Еслибы параллельно съ антиправительственнымъ терроромъ, вызваннымъ справедливымъ негодованіемъ на жестокаго преслѣдованія социалистовъ, съ такой же отвагой и энергіей организовалъ былъ терроръ противъ непосредственно несправедливыхъ народу заѣзскихъ его мучителей, то, безъ всякаго сомнѣнія, революціонная партія довольно скоро вызвала бы еще болѣе серьезное и страстное волненіе, въ рабочихъ массахъ, чѣмъ до сихъ поръ среди „общества“. Если наше, богатое матеріальными средствами, знаніями и т. д., общество нуждается во внѣшней силѣ для подъема его оппозиціоннаго духа, то тѣмъ естественнѣе, что „безграмотное, забытое крестьянство“ нуждается во внѣшнемъ толчокѣ, который подыметъ бы его духъ, самостоятельность и далъ бы наиболѣе революціоннымъ натурамъ его импульсъ и лозунгъ для организованной борьбы.

И въ данную минуту съ политическимъ

сочувствіемъ отнесся бы ко всякой группѣ систематическихъ пропагандистовъ социалистическихъ идей во всемъ ихъ объемѣ. Но, какъ *лозунгъ* народно-революціонной дѣятельности для массы революціонеровъ, теоретическая пропаганда не можетъ имѣть мѣста *теперь*, когда мы, очевидно, переживаемъ канунъ крупнаго политическаго переворота въ Россіи, когда „извѣстныя требованія“ настолько созрѣли въ крестьянствѣ и броженіе въ низшихъ классахъ настолько сильно, что даже и они, не смотря на свою забитость и неграмотность, заколыхались и въ формѣ бунтовъ, поджоговъ, стачекъ и антиеврейскихъ безпорядковъ весьма педву-смысленно заявили о своемъ настроеніи. При такомъ положеніи вещей нельзя отрекаться отъ агитаціонной дѣятельности въ рабочихъ массахъ, вслѣдствіе ихъ невосприимчивости къ социалистическимъ идеямъ. Теперь вопросъ сводится къ тому, чтобы внести конкретный всенародный лозунгъ въ частныя, разрозненныя движенія или, вѣрнѣе, обобщить частныя мотивы „безпорядковъ“ въ нѣсколько простыхъ и ясныхъ требованій *политическаго* и *экономическаго* характера, приспособляясь въ формѣ и въ частностяхъ къ мѣстнымъ особенностямъ со стороны національнаго состава населенія и его положенія*) Такой крупный фактъ, какъ антиеврейскіе безпорядки, могъ бы при нѣкоторомъ усиленіи организованныхъ социалистическихъ группъ сдѣлаться началомъ социалистическаго *классоваго* движенія во имя „*земли и воли*“ для трудящихся массъ. Нужно было только въ Кіевѣ, напимѣрь, направить толпу въ кварталы *капиталистовъ-евреевъ*, да на банки, гдѣ сосредоточены капиталы высшихъ классовъ всѣхъ національностей. Разумѣется, при такомъ направленіи „безпорядковъ“ дальнѣйшій ходъ движенія неминуемо привелъ бы къ столкновенію лицомъ къ лицу бунтующей массы съ имущественными элементами вообще и ихъ естественнымъ союзникомъ — правительствомъ. Теперь же, къ общему стыду нашему (социалистовъ), волненія противъ „жидовъ“ такъ и застряли на ступени слѣпой вражды массъ противъ цѣлой *нации*, оставивъ по себѣ разоренными главными образомъ десятки тысячъ пролетаріевъ и мелкихъ лавочниковъ. „Русь“, „Новое Время“ и т. д. могутъ теперь „народничать“ еще на одну тему, — проповѣдуя племенной антагонизмъ — въ интересъ Разумовскихъ православной вѣры**)

*) Къ украинцамъ уже обращались съ прокламаціями; но и татары около Казани, напимѣрь, бунтовали недавно; затѣмъ, бессарабцы, напимѣрь, еще менѣе понимаютъ русскій языкъ, чѣмъ татары.

**) Я далеко не поклонникъ народныхъ возстаній въ формѣ повального грабежа и насилія надъ массою гражданъ. Мнѣ лично несравненно симпатичнѣе народныя движенія въ формѣ возстаній французскихъ рабочихъ, начиная съ 48 г. Несомнѣнно, что и социалистическій переворотъ будетъ на Западѣ отличаться тѣмъ же характеромъ въ повстаніи массъ относительно не стоящихъ во главѣ французскихъ революціонныхъ элементовъ. Но разъ, благодаря многовѣковому рабству и невольничеству массъ въ Россіи, народные протесты могутъ проявляться пока только въ такой грубой формѣ, социалистамъ остается, на сколько возможно, вносить въ эту стихійную форму движенія принципиально экономическую подкладку, направляя его на *дѣйствительные центры* народ-

Но революционеры могут еще многое сделать для внесения большей системности и целесообразности в народные волнения, которые, несомненно, будут повторяться все чаще и чаще, и, кто знает, быть может, расти в интенсивности и размахах. Нельзя или, по крайней мере, до чрезвычайности трудно теперь укрепиться революционерам в деревнях. Но в их рядах не мало энергичных и отважных людей; а с этими качествами возможно многое преодолеть и теми или иными способами проникнуть и в крестьянство. Не следует упускать из виду, что в такой момент напряженных ожиданий, толков и брожения, какой теперь переживают все слои населения в России, массы очень чутки и восприимчивы, — и многие приемы агитации, хотя бы и „палетом“, могут иметь большое значение, если только она исходит из фактов местной жизни.

Но это уже вопрос практических деталей, а мое положение вдали от поля действия обязывает меня к сдержанности в этом отношении. В моем положении я должен ограничиться только констатированием того факта, что, как современное настроение рабочих масс в России, так и вся совокупность их политического и экономического положения, крайне благоприятны для того, чтобы подготовить их к сколько нибудь сознательно-активному участию в предстоящих событиях во имя нескольких *простых* и *ясных* требований экономического и политического характера. Самоотвержения и энергии, необходимых для этого, хватит у наших товарищей..., если только они убедятся в необходимости жертв и усилий в этом направлении. Излишне и даже вредно было бы „идеализировать“ результаты этой деятельности. Достаточно не упускать из виду, что čím сильнее будет участие истинно народных элементов в общем составе реформирующих строй империи факторов, тем больше шансов отклонить направление равнодействующей всех этих преобразовательных усилий в сторону интересов „безграмотных и забытых“. Но и помимо соображений о размахах *непосредственно материальных* результатов есть и другие, не менее важные по своим последствиям, соображения в пользу своевременного привлечения масс, как класса эксплуатируемых, к участию в политической и социальной перестройке империи. И подразумеваю — заложение прочного фундамента *крестьянско-рабочей партии* в России, в состав которой войдут не только ныне действующие нелегально революционеры, но и социалистические элементы, по тем или другим причинам наполняющие теперь поры „культурного“ общества, стоя в стороне от революционной борьбы. Наконец,

и эксплоатации. Если теоретики и публицисты „разуваещины“ не стесняются подстрекать массу на подобия действий — из-за племенной ненависти, то тем более социалисты вправе и даже обязаны направлять эти высшие народного негодования на пункты, в которых рельефнее всего выступал бы *классовый антагонизм* современного экономического и политического строя.

самоотверженными и энергическими усилиями на дело агитирования среди низших классов во имя требований, аналогичных по своей конкретности с требованиями земского собора, наиболее интересующим высшие классы, — можно у нас укрепить за социализмом такую же традицию, как во Франции за республиканизмом, а в Италии за революционной партией на пользу объединения и независимости от Австрии. Рядом героических усилий эти партии завоевали себе такой нравственный авторитет, что и теперь социалистам приходится тратить много сил, чтобы освободить рабочих из-под влияния преимущества этих партий, пользующихся авторитетом только благодаря обаянию лозунга, с которым у всех соединяются традиции героизма и неустанной энергии. В статье: „За что старика обидели...“ г. Драгоманов замечает, как, по проли истории, социалистическая молодежь завоевала свободу розничной продажи для „Голоса“ и „Нового Времени“, конституционные гарантии для Копи et С. и как эти, в виде признательности за такие услуги, будутсылать в Сибирь и преследовать опять таки тех же социалистов. Весьма и весьма вероятно, что это так и будет, и в этом отношении мы разделим судьбу всех крайних партий в периоды первого их выступления на историческую арену. Но если все усилия русских социалистов будут совершаться под знаменем одних конституционных требований нашей буржуазии (как предлагает И. П.), мы можем считать предметом такой „проли истории“, какая едва ли приходилась когда нибудь на долю другой крайней партии. Враги социализма воспользуются всем нравственным величием наших героев для борьбы против социализма. К счастью, революционные группы продолжают по-прежнему бороться — даже в сфере политической — под знаменем социализма, и судя по доходящим за границу сведениям, внимание к агитации среди рабочих и крестьян опять начинается возрастать во всех отбывках нашей революционной партии, и, повидному, уже и теперь занимает видное место в ее деятельности.

П. Аксельродъ.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПИСЬМА. *)

(Письмо шестое).

Борьба за существование, необходимое последствие размножения организмов, происходящего в быстрейшей прогрессии, нежелая увеличения средств пропитания, — есть общий закон природы. Каждому живому организму присуще стремление к охранению, развитию и упрочению своего существования, — стремление, которое становится тем энергичнее и сознательнее, чем выше и совершеннее организм, и которое, поэтому, достигает высшей степени у человека. Но, тогда как живот-

ные породы одного вида обыкновенно живут в мире между собою и ведут борьбу только против чуждых видов, *) породы человеческие видят оди в других опасных своих соперников в потреблении средств, представляемых природою, и борются преимущественно друг против друга. Борьба их имеет даже более интенсивный характер иклонится к более решительным последствиям, нежели борьба между видами животных; в то время, как последние довольствуются отражением опасности и удовлетворением своих потребностей в настоящем, люди ищут обезопасить себя и сделать запасы и на будущее. Оттого, при некотором неравенстве сил между двумя человеческими расами, сильнейшая пользуется своим превосходством до крайних пределов, и борьба нередко оканчивается совершенным истреблением слабейшей.

Такой исход встречался бы гораздо чаще в истории, если бы рядом со стремлением к истреблению слабейшей расы не являлось стремление к ассимиляции ее себя, к соединению с нею. Стремление это, в котором нельзя не видеть смутного сознания единства человеческого рода, начинается на самой низкой ступени развития: дикири-каннибалы, пожирая тело пленного воина, уверены, что тем самым они приобретают и его нравственные качества и достоинства, увеличивают ими свои собственные; сопровождающее же все войны первобытных народов похищение женщин и детей ведет к действительному слиянию расы победителей с побежденными. На несколько высшей ступени развития борьба происходит преимущественно из-за приобретения рабов, т. е., людей, услугами и трудами которых пользуются сильнейшие и храбрейшие, делая их своею собственностью, частью самого себя. Далее, то же стремление выражается усилиями привести слабейшие расы в служебное или подчиненное состояние, в котором бы они существовали только для пользы завоевавшей их или эксплуатирующей расы, как это делалось с племенами в феодальную эпоху, с жителями колоний в меркантильную и как это ныне происходит с туземными народами Азии и Африки, коммерчески эксплуатироваемыми западною Европою. Постоянно изменяя свою форму, сообразно с ходом культуры, но всегда сохраняя свою сущность, стремление к поглощению других рас проявляется с величайшей интенсивностью в наше время: нации, опередившие других в цивилизации или во внешнем могуществе или же случайно захватившие власть над другими, пытаются заставить менее счастливых принять их язык, нравы и обычаи, образ мыслей и даже чувства; слабые, более чем когда либо, подвергаются опасности быть ассимилированными политическому и национальному организму сильных, быть ими

*) С. положение этим едва ли можно согласиться вполне, не внеся в него существенных поправок. Ред.

*) См. № 16.

правственно и материально поглощенными. Германизация, эллинизация, мадьяризация и тому подобные стремления только своей сознательностью и систематичностью отличаются от стремлений, руководящих дикими народами.

Вместе с уяснением целей борьбы за существование, возросли и совершенствовались ее средства. Главным, решительным средством, на всех ступенях развития, оставалось и остается до сих пор употребление открытого насилия, — собственно война; от вооружения, организации и тактики войска, от готовности каждого народа защищать свои интересы оружием и в настоящее время непосредственно зависит его политическое, нравственное и материальное существование; все различие в этом отношении между дикими племенами и высоко цивилизованными нациями состоит в том, что первые, кроме войны, не знают другого средства борьбы, — последние же избегают сопряженных с войною тягостей и рисков и прибегают к ней только тогда, когда так называемые мирные средства оказываются недостаточными.

Впрочем, мирные средства во многих случаях ведут прямее и быстрее к цели, чем самая кровопролитная война. Овладение источниками богатства страны отнимает средства к существованию у ее населения и осуждает его на полное подчинение или на полное исчезновение. Благодаря таким мирным и легальным действиям, ангlosаксам удалось захватить часть света и искоренить почти всю краснокожую расу северной Америки и значительную часть австралийских племен; только невозможность для англичан селиться в тропическом климате спасает индусов от той же участи, но не спасает их, несмотря на чрезвычайное плодородие почвы и чрезвычайную выносливость расы, от периодического голода, жертвы которого считаются миллионами. С меньшей последовательностью, а потому и с меньшим успехом, и прочие западно-европейские нации держатся, относительно менее цивилизованных рас, той же системы. Вообще говоря, населения Африки, Азии и даже восточной Европы, силою обстоятельств принужденные продавать западно-европейцам свои сырые произведения и покупать у них мануфактурные, находятся в состоянии экономического рабства, из которого им пока не предвидится выхода. В средней и восточной Европе промышленная и торговая эксплуатация служит германской расе главным орудием в ее многовековом походе против славянской; ей предшествует или за нею следует раса еврейская, интенсивностью эксплуатации побуждающая и германскую и вообще систематически стремящаяся, посредством захвата всех видов чуждостей, к экономическому господству над народами, среди которых она поселилась *).

*) В стремлении свести к экономическому

Рядом с войною и эксплуатацией, тем же целям служат и, так называемые, духовные и нравственные средства: религиозная пропаганда, пролагающая путь эксплуатации или подаяющая повод к войне, и пропаганда национальная, действующая всеми способами, которые доставляет культурная общественность, — прессою, ассоциациями и, в особенности, школою, т. е., включением детей и юношей в чужую им расу, посредством насильственного привития им ее языка, понятий и чувств. О всех этих средствах борьбы мы будем говорить подробно, когда перейдем к рассмотрению новейшего национального движения.

Борьба за существование, порождая потребность в союзах для взаимной защиты от общих опасностей и для удовлетворения общих нужд, наполняет собою историю человечества и обуславливает судьбы отдельных рас: весь ход их образования и развития находится в прямой зависимости от степени интенсивности этой борьбы.

В странах, защищенных от внешних нападений естественными преградами и обладающих изобилием и легко добываемою пищею, состязание человеческих пород не имело причин быть очень энергичным; они или, как туземные расы северной Америки и Бразилии, остров Тихого океана, южной и внутренней Африки, — не вышли из дикаго состояния, или же, как Мексика, Перу, Индия, Египет, — выработали формы культуры, мало способные к постоянному развитию и улучшению и которые не могли устоять против напора более энергичных рас. Напротив, постоянное напряжение сил в борьбе с природою и в столкновениях с темными на той же территории племенами и народами, — как это было с расами Европы, Передней и Центральной Азии, — дало начало развитию военного искусства, важнейшего орудия существования каждой расы, повело к механическим изобретениям и усовершенствованиям, выработало прочные политические и религиозные учреждения, установило общественную дисциплину и солидарность, — наконец, усовершенствовало расу естественным подбором, выделяя всех слабых и малоспособных и сохраняя только продукт скрещивания самых сильных и энергичных особей. Расы, наиболее закалившиеся в школе непрерывных усилий и опасностей, обыкновенно побуждали своих соперников, истребляли их или ассимилировали себя и основывали всемирно-исторические царства. Но уже древние греки замечали, что Нике (победа) всегда фатальна для любимцам: перемена условий жизни, особенно перемена обитаемой местности и прекращение борьбы, из которой она черпала свою силу, извращает характер и истощает

господству мы видим их средство к самозащите в нынешнем капиталистическом обществе, по поговорке «не дубьем, так рублем»?»

Ред.

силы завоевательной расы и часто приводит ее к столь же быстрому и легкому падению и даже исчезанию, сколько было трудно и медленно ее возвышение. Продолжительное сохранение жизненной энергии новейших европейских народов должно быть главным образом приписано небывалой прежде интенсивности конкуренции между отдельными личностями, общественными классами и целыми нациями, державшей их в относительном равновесии. Нарушить это равновесие в пользу своей нации составляет заветную цель усилий великих политиков нашего времени. Они должны были бы лучше помнить уроки классической древности и глубже размышлять о примѣрах честнейшего и разумнейшего из патриотов, Катона Старшего, который ничего так не опасался, как того, что придет время, когда его отечеству некого будет опасаться.

Впрочем, судьба современных западно-европейских наций зависит не от одной их конкуренции друг с другом; их государственное и общественное здание покоится на двойном базисе: юридически свободных, но экономически поработанных собственных пролетариев-рабочих, — и политически независимых, а экономически тоже поработанных, азиатских, африканских и восточно-европейских народов. Одновременная реакция со стороны тех и других, пока, правда, наиболее удаленных друг от друга элементов, могла бы неопровергнуть все существующее....

Единственная раса, экономически освободившаяся от западной Европы, — теперешняя северо-американская, составила подбором из самых крепких и энергичных элементов западно-европейских рас. Первые поселенцы, — Pilgrim Fathers, — должны были бороться с такими препятствиями в природе страны и ее диких народов, что только те из них могли оставить потомство, которые были одарены необыкновенным здоровьем и силами; постоянный прилив подобных же элементов из Европы поддерживал и еще усиливал энергию расы, которой Соединенные Штаты преимущественно обязаны своим быстрым и чрезвычайным процветанием.

В настоящее время интенсивность конкуренции в Америке достигла, повидному, крайних предѣлов, переступить которые уже несвойственно человеческим организмам вообще; поэтому, хотя нравственная энергия европейско-американской расы не уменьшается, а еще более возбуждается, — физическая жизнеспособность расы замѣтно ослабевает и истощается; европейской иммиграции приходится уже не только заселять новые территории, но и пополнять убыль в старых штатах. Выработается ли из всех этих скрещиваний новая раса, более крепкая и способная переносить дальнейшее развитие и усиление борьбы, — или же придется искать пособия в ограничении личной конкуренции?

куррентіи общественной организаціей труда? и если да, то какое влияние может имѣть на расу этотъ первый шагъ въ направленіи, противоположномъ тому, въ которомъ шла до сихъ поръ всемірная исторія? Б.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ.

I.

ИСПАНІЯ И ПОРТУГАЛІЯ.

Въ концѣ сентября этого года въ Испаніи состоялся конгрессъ социалистической партіи, организованной здѣсь подъ названіемъ: „Испанская областная федерація“ Международнаго товарищества рабочихъ. На конгрессъ явились 136 делегатовъ, почти отъ 200 секцій, изъ которыхъ большинство состоитъ изъ многочисленныхъ членовъ и весьма серьезно организовано. Самые многочисленные и серьезно организованныя ремесленные общества представлены были на этомъ конгрессѣ.

Социалистическая партія Испаніи всецѣло стоитъ, въ принципиальномъ и тактическомъ отношеніи, на анархической точкѣ зрѣнія и представляетъ собою, даже по словамъ фалатическихъ противниковъ анархіи, крайне серьезную силу. Конгрессъ принялъ резолюцію въ смыслѣ сочувствія и солидарности съ социалистами въ Россіи; вълѣдствіе этого, президентъ и секретарь конгресса арестованы*).

Въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ мы переведемъ манифестъ испанской федераціи къ рабочимъ классамъ.

Въ Португаліи рабочая партія примыкаетъ по своему направленію къ германской социальной демократіи. Сравнительно съ Испаніей, рабочее движеніе въ Португаліи значительно менѣе интенсивно и считается въ своихъ рядахъ меньше приверженцевъ, даже если принять во вниманіе меньшее народонаселеніе послѣдней. Повидимому, социалистическая партія въ Португаліи довольно тѣсно примыкаетъ къ мѣстнымъ радикально-демократическимъ. Общее настроеніе въ странѣ, повидимому, далеко не миролюбиво. Въ началѣ ноября въ Видигуа произошли „беспорядки“ по поводу муниципальных выборовъ, причемъ 40 человекъ арестовано и найденъ складъ оружія и соответствующихъ военныхъ припасовъ.

II.

ИТАЛІЯ.

6 ноября произошло кровавое столкновение въ Римѣ между либералами и социалистами. 3 убитыхъ и множество раненныхъ. Какъ необходимое дополненіе, многочисленные обыски. „Citoyen Français“ сообщаетъ объ арестѣ 11 ноября 3 молодыхъ людей въ то время, когда они наклеивали воззванія къ возстанію. При обыскѣ оказалось,

*) О чемъ своевременно было сообщено въ „Вольное Слово“.

(Ред.).

что они члены „интернаціонала“. За наклеиваніе подобныхъ же прокламаций, 15 ноября, въ Римѣ арестованы 7 социалистовъ, между ними одинъ докторъ.

Въ Венеціи обширная стачка лодочниковъ (по сообщеніямъ газетъ, въ концѣ ноября).

Около того же времени въ Форли исполненъ организована „социалистическая федерація сельскихъ рабочихъ“.

Въ рудникахъ Gessolungo отъ страшнаго взрыва 30 рабочихъ убито и 70 тяжело ранено, — фактъ, должествующій не мало усилить раздраженіе низшихъ классовъ противъ безпечности хозяевъ въ дѣлѣ пріятія предохранительныхъ мѣръ.

III.

АВСТРІЯ.

Въ № 50 „Социалдемократъ“ сообщается слѣдующее о недавней стачкѣ углекоповъ въ Моравіи (Machrisch-Ostrau). Въ каменноугольныхъ копяхъ Сѣверной желѣзной дороги больше 1200 рабочихъ забастовали, потребовавъ прекращенія со стороны чиновниковъ дирекціи экстренныхъ приемовъ эксплуатаціи и повышенія платы до 1 флорина и 10 крейцеровъ (?!), т. е., приблизительно до 80 коп. въ сутки. Первымъ дѣломъ друзей „порядка“ была присылка войска, что не повело къ „нарушенію порядка“ только благодаря предосторожности стачечниковъ. Затѣмъ арестована была депутація стачечниковъ, явившаяся въ Вѣну для представленія своихъ требованій (главнымъ инспекторамъ. „Вести переговоры съ канальей! — замѣчаетъ „Социалдемократъ“ отъ имени хозяевъ. — Этого намъ еще не доставало“.

По словамъ вѣнской „Freie Presse“, арестованы также нѣкоторые изъ стачечниковъ за „угрозы“ управляющимъ и за попытку втянуть въ стачку рабочихъ соседнихъ копей. Хозяева, съ своей стороны, для „угрозы“ достали изъ другихъ мѣстъ рабочихъ. — Но, самодовольно восклицаетъ вѣнская „Deutsche Zeitung“, стачечники завтра или послѣ завтра сдадутся, такъ какъ они запаслись средствами существованія всего на недѣлю“. Дѣйствительно, рабочие „сдались“, кажется, 2 или 3 декабря. Кстати, акціонеры этой линіи получаютъ за свои акціи 240 0/0*).

4 декабря во Львовѣ многочисленное собраніе рабочихъ протестовало противъ резолюцій „Вѣнскаго промышленнаго конгресса“ противъ, заложенныхъ за изданіе газетъ и вообще противъ стѣсненій печати. Собраніе было вдругъ закрыто по требованію агента правительства.

IV.

БЕЛЬГІЯ.

Въ Вербье стачка прядильщиковъ акціонерной компаніи La Lainière. Причина — пониженіе хозяевами задѣльной платы на

*) Последнюю цифру заимствую изъ „Социалдемократъ“.

15—40 0/0. Мѣстная группа „Впередъ“ указываетъ въ обращеніи къ рабочимъ другихъ мѣстностей на клеветы буржуазной прессы и проситъ о братской поддержкѣ стачечниковъ.

Печатаемая во французскомъ оригиналѣ, полученный нами уже по заключеніи настоящаго номера, подробный анализъ австро-русскаго соглашения насчетъ балканскаго полуострова, мы не имѣемъ возможности приступить немедленно къ разбору и оцѣнкѣ его условій, равно какъ и къ изслѣдованію его совершенной подлинности.

Мы намѣрены въ слѣдующемъ номерѣ высказать о немъ наше искреннее мнѣніе, а пока приглашаемъ всѣхъ нашихъ сотрудниковъ и читателей, особенно же лицъ компетентныхъ въ международныхъ актахъ, содѣйствовать намъ въ разъясненіи заговора двухъ завоевательныхъ правительствъ противъ свободы народовъ.

Les bases d'un accord relatif à la question d'Orient, qui avaient été posées à Dantzig, et qui furent développées et précisées dans les pourparlers du comte Kalnoky à Saint-Petersbourg, viennent de recevoir l'approbation des gouvernements d'Autriche-Hongrie et de Russie.

Elles sont formulées dans un protocole, dressé à Saint-Petersbourg et muni des signatures de LL. EE. Mr Guiers et Cie de Kalnoky. Cet acte a pour but d'assurer la paix et la tranquillité de la presqu'île des Balkans, essentielles aux intérêts politiques et commerciaux des deux Empires, et d'indiquer la marche à suivre en vue de l'exécution complète et intégrale du traité de Berlin et dans l'éventualité des complications qui pourraient surgir en Orient.

Les divers points du protocole stipulent:

1, le maintien permanent du mandat de l'Autriche-Hongrie en Bosnie-Herzégovine et son application dans la forme la plus favorable à la stabilité de l'ordre et à l'augmentation du bien être de ce pays;

2, la consolidation de l'indépendance des Principautés de Serbie et de Monténégro par le développement de leurs ressources économiques et l'éloignement des agitations qui pourraient troubler la sécurité en dedans comme au dehors de ces Etats; le Cabinet Imp^l et R^l est disposé à aider les gouvernements princiers dans cette tâche;

3, l'exécution de la clause du traité de Berlin relative au raccordement des voies ferrées austrohongroises et ottomanes à travers la Serbie et la Bulgarie;

4, le règlement de la navigation danubienne dans l'intérêt des Etats riverains;

5, constate la haute importance que les Cabinets de Vienne et de S.-P^{ts} attachent à l'indépendance complète de la Roumanie, dont la meilleure garantie se trouve dans l'entretien des bons rapports entre le

royaume et les deux Empires voisins et dans la répression des menées révolutionnaires qui seraient à même d'altérer la nature de ses rapports;

6, le gouvernement Imp^l de Russie continuera à assister de ses conseils le gouvernement bulgare dans la tâche de l'organisation de la principauté sur des bases conservatrices; dans le cas où la réunion de la Roumélie Orientale à la Bulgarie serait devenue nécessaire, elle devrait avoir lieu de manière à ne provoquer aucune commotion dans les provinces voisines et en écartant toute participation d'éléments révolutionnaires;

7, une fin doit être mise à l'état d'anarchie permanente en Albanie, au moyen d'une organisation provinciale, stipulée par le traité de Berlin, et donnant satisfaction aux vœux raisonnables des populations albanaises;

8, les deux hautes parties contractantes, pénétrées uniquement de leurs sollicitudes pour les intérêts de la paix en général et de la tranquillité de la péninsule balkanique en particulier, s'accordent pour s'opposer aux vues ambitieuses de toute autre puissances dans cette région;

9, en cas de complications graves qui menaceraient la sécurité des voies de communication à travers la Péninsule ou des détroits qui unissent la mer Noire à la Méditerranée, ainsi que de l'ordre qui règne dans la capitale de l'Empire ottoman, — des mesures de protection nécessaire seraient prises de concert par les Cabinets de Vienne et de Saint-Petersbourg;

10, les deux gouvernements sont d'avis que le canal de Suez et l'Egypte doivent continuer à être protégés par la garantie commune de toutes les grandes puissances;

11, le gouvernement de l'Empire allemand sera invité à prendre connaissance du présent protocole et à participer à la délibération sur des arrangements ultérieurs et des mesures à prendre dans les cas prévus ci-dessus;

12, les développements et les modifications que la force des événements aura apportés à l'ordre des choses établi par le traité de Berlin seront soumis à la consécration des grandes puissances signataires de ce traité.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Мы получили почти невѣроятное извѣстіе изъ Болгаріи. Одинъ изъ нашихъ подданныхъ пишетъ: русскій императорскій вице-консулъ въ Варшавѣ объявилъ въ частномъ разговорѣ, что кто изъ русскихъ подданныхъ будетъ получать женеваскія изданія, того „отправить, куда слѣдуетъ (?), этапнымъ порядкомъ“. Къ чему же служить болгарскіе законы, и что за власть въ Болгаріи русскій вице-консулъ?

ОПЕЧАТКИ.

Въ передовой статьѣ, въ № 18, на стр. 2, въ 1-мъ столбцѣ, въ 7 стр. снизу напечатано: „запущенностию и неорганизованностию труда“; слѣдуетъ читать: „запущенностию и неорганизованностию труда“.

Въ № 18, въ статьѣ „Историческая Польша и Велико-русская демократія“, на стр. 4, во 2 столбцѣ, въ строкѣ 38 напечатано: „приговоры, основаній которыхъ никто“ — вм. „приговоры, основаній которыхъ иногда никто“ и проч.

Въ № 18, на страницѣ 10, въ первомъ примѣчаніи къ первой колоннѣ напечатано: 23%, а нужно 73%; на страницѣ 11, въ колоннѣ 2, въ концѣ строки 35 и началѣ 36 напечатано: „крестьянской“, а нужно „итальянской“.

ВЪ РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ

GENÈVE, Terrassière, 31

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ И ИЗДАВАНІЯ:

„ВОЛЬНОЕ СЛОВО“ за 1881 г. №№ 1 — 20 10 фр.
ГРОМАДА, Українська збірка впорядкована М. Драгомановим. том I. Переднє слово. Женева. 1878, 2 фр.
ГРОМАДА, т. II, Женева 1878, 8 фр.
ГРОМАДА, т. III. Женева 1878, 2 фр.
ГРОМАДА, т. IV. Женева 1879, 6 фр.
ЛИСТОК ГРОМАДИ № 1, 1878. Издав М. Драгоманов. 1 фр.
ВІЛЬНА СПІЛКА — Вольный Союзъ — La Fédération. (Безстроковий додаток до „Громади“). № 1 Женева 1881. 25 с.
Про багатство та бідність. 1876. 25 с.
Про те, як наша земля стала не наша. Липський. 1877. 40 с.
Про хліборобство. Як де земля упорядкована і як би слід її держати. Липський. 1877. 80 с.
Про багатство та бідність. (На білоруській мові. Переклад з українського). Женева. 1881. 25 с.
По вопросу о малорусской литературѣ. (Панславизмъ, панрусизмъ и панмалорусизмъ). М. Драгоманова. Вѣна. 1876. 80 кр.
Турки внутрішніе и вѣншіе. Его же. Женева. 1876. 1 фр.
Внутреннее рабство и война за освобожденіе. Его же. Женева. 1877. 1 фр.
Народні школи на Україні серед життєвѣя і письменства в Россіі. З виданія „Громади“. Яого ж. Женева. 1877. 3 фр.
Дѣтубійство, совершаемое русскимъ правительствомъ. Женщины процесса московск. социалистовъ. Его же. Женева. 1877. 25 с.
До чего довелись? Его же. Женева. 1878. 50 с.

За что старика обидѣли и кто его обижаетъ? (Размышленіе по дѣлу Трепова). Его же. Женева. 1878. 50 с.
Реформы и революція. II. Жуковского. Женева. 1878. 50 с.
La littérature Oukrainienne proscrite par le gouvernement russe. Rapport présenté au congrès littéraire de Paris 1878, par M. Dragomanov. Genève. 1878. 1 fr.
Письмо В. Г. Бѣлинскаго къ Н. В. Гоголю съ предисловіемъ М. Драгоманова. Женева. 1880. 1 фр.
Соловья баснями не кормятъ. Письмо къ генералу Лорису-Меликову. М. Драгоманова. Женева. 1880. 25 с.
Было бы болото, а черти будутъ. М. Драгоманова. Женева. 1880. 50 с.
Терроризмъ и Свобода, Муравы и Корова. Отвѣтъ на отвѣтъ „Голоса“. М. Драгоманова. Женева. 1880. 50 с.
Le tyrannicide en Russie et l'action de l'Europe Occidentale. Par M. Dragomanov. Genève. 1881. 50 с.
Копзъ Тараса Шевченка. Частина перша. Женева 1878. 1 фр.
Записки южно-русского социалиста. Выпускъ первый. Женева. 1877. 1 фр.
Життєвѣя і здоров'я людеј на Україні. Зложив С. Подоліський. 1879. 3 фр.
Наш-Народолубецъ. Повість. Женева. 1879. 1 фр.
Хиба репутъ воли, як јасла нові? Роман з народнього життєвѣя. II. Мирного та І. Білика. 1880. 6 фр.
Ремесла і хвабрики на Україні. С. Подоліського. Женева 1880. 2 фр.
Соціалісти українці въ Австріі. С. Подоліського. Женева 1880. 50 с.
Кобзарь Т. Гр. Шевченка. (Виданія стереотипне). Книжка перша. Женева. 1881. 1 фр.